

1912
ГОДЪ

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости

еженедѣльный журналъ

№ 34-й.

16-го АВГУСТА.

№ 34-й.

Часть офіціальная.

Распоряженія Правительства.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Синодальному Члену, Преосвященному Антонію, Архіепископу Волынскому и Житомирскому, Почаевскія Успенскія Лавры Священно-Архимандриту.

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе исп. об. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 26 іюля сего года за № 7612, о томъ, что Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ его, исп. об. Оберъ-Прокурора, объ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 21—22-го іюня сего года за № 5556, о примѣненіи при предстоящихъ въ текущемъ году выборахъ членовъ Государственнаго Совѣта отъ православнаго духовенства, на мѣсто выбывающей по закону одной трети таковыхъ членовъ, того-же порядка, какой установленъ Высочайше утвержденными 7 марта 1906 года правилами, въ 23 день минувшаго іюля Всемиловѣйше соизволилъ Собственноручно начертать „Согласенъ“. Справка: 1) По ст. 18 Учрежденія Госуд. Совѣта, члены Гос. Совѣта по выборамъ избираются срокомъ на 9 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы каждые три года одна треть каждого разряда сихъ членовъ выбывала въ очередномъ порядкѣ. Взамѣнъ выбывающей по истеченіи трехлѣтняго срока трети членовъ Совѣта по выборамъ, избирается подлежащими установленіями такое-же число членовъ Совѣта, соотвѣтствующихъ выбывающимъ разрядовъ. Выбывающіе въ очередномъ порядкѣ члены Совѣта могутъ быть вновь избираемы. Во исполненіе требованія этой статьи закона, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 25 мая сего года опредѣлены были жребіемъ лица, долженствующія выбыть изъ Совѣта въ составѣ второй трети первоначальнаго комплекта членовъ Совѣта по выборамъ отъ духовенства Православной Россійской Церкви, отъ дворянскихъ обществъ, отъ Императорскихъ Академій Наукъ и Университетовъ и отъ торговли и промышленности, при чемъ выбывающими изъ состава Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ духовенства Православной Россійской Церкви оказались члены Совѣта: Преосвященный Варшавскій Николай—отъ монашескаго духовенства, и протоіерей Д. Бѣликовъ—отъ бѣлаго духовенства. За выбо-

тіемъ Преосвященнаго Николая и протоіерей Бѣликова, членами Государственнаго Совѣта отъ православнаго духовенства остаются: членъ Святѣйшаго Синода Епископъ Никонъ, Архіепископъ Новгородскій Арсеній и протоіерей С. Трегубовъ и Т. Буткевичъ. II) Высочайше утвержденныя 7-го марта 1906 г. правила о порядкѣ избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ православнаго духовенства гласятъ слѣдующее: 1) Члены Государственнаго Совѣта отъ духовенства Православной Россійской Церкви избираются Святѣйшимъ Синодомъ изъ числа кандидатовъ, указанныхъ Епархіальными Преосвященными и избранными епархіальнымъ духовенствомъ. 2) Каждый Епархіальный Епископъ указываетъ изъ числа Епископовъ или другихъ монашествующихъ лицъ Православной Россійской Церкви трехъ кандидатовъ на замѣщеніе должности членовъ Государственнаго Совѣта, не ограничиваясь предѣлами подвѣдомственной ему епархіи. 3) Епархіальное духовенство производитъ выборы кандидатовъ на благочинническихъ сѣздахъ изъ числа штатныхъ священнослужителей своей епархіи, по одному на каждомъ благочинническомъ сѣздѣ, не ограничиваясь въ выборѣ таковаго лица предѣлами своего благочинія. 4) Въ случаѣ, если на благочинническомъ сѣздѣ не послѣдуетъ единодушнаго избранія кандидата, то производится закрытая баллотировка, при чемъ считается избраннымъ лицо, получившее большинство голосовъ, или, при равенствѣ большинства голосовъ,—всѣ, получившіе таковое большинство, о чемъ и составляется избирательный актъ за подписомъ всѣхъ присутствовавшихъ на сѣздѣ. 5) По полученіи представленій объ избранныхъ на благочинническихъ сѣздахъ кандидатахъ и по провѣркѣ, подъ надзоромъ самихъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ, избирательныхъ актовъ, опредѣляется кандидатъ, получившій наибольшее число голосовъ по всей епархіи въ совокупности, или, при равенствѣ большинства голосовъ, всѣ такіе кандидаты. 6) О получившемъ по епархіи большинство голосовъ, или о получившихъ равное большинство кандидатахъ изъ бѣлаго духовенства, Епархіальный Преосвященный доноситъ Св. Синоду, съ представленіемъ и намѣченныхъ самимъ Преосвященнымъ трехъ кандидатовъ изъ монашескаго духовенства. 7) Изъ числа указанныхъ Преосвященными кандидатовъ Св. Синодомъ признаются избранными въ члены Государственнаго Совѣта три лица, получившія наибольшее число голосовъ Преосвященныхъ; изъ числа же кандидатовъ бѣлаго духовенства Св. Синодъ избираетъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта, съ выборомъ и трехъ къ нимъ замѣстителей. III) Въ Синодальномъ циркулярномъ указѣ, отъ 10 марта 1906 г. за № 4, съ Высочайше утвержденными въ 7 день того-же марта правилами избранія

членовъ Государственнаго Совѣта отъ Православнаго духовенства, Святѣйшимъ Синодомъ преподаны были, между прочимъ, слѣдующія указанія о порядкѣ сего избранія на мѣстахъ: п. 2) Объ избранномъ въ благочинническомъ округѣ кандидатѣ благочинный представляетъ Епархіальному Преосвященному, съ указаніемъ количества голосовъ, полученныхъ избранникомъ, и съ приложеніемъ всего выборнаго производства. Пакеты отъ благочинныхъ, относящіеся къ выборамъ, вскрываются въ присутствіи Преосвященныхъ, или, по ихъ порученію, викарныхъ Епископовъ и, подъ ихъ надзоромъ, производится подсчетъ голосовъ. 3) Подсчетъ голосовъ, полученныхъ каждымъ намѣченнымъ на отдѣльномъ благочинническомъ сѣздѣ кандидатомъ, когда списки сихъ кандидатовъ будутъ доставлены Преосвященнымъ (п. 2), для выбора окончательнаго кандидата по епархіи, производится слѣдующимъ образомъ: всѣмъ кандидатамъ, выбраннымъ въ каждомъ благочиніи, составляется особый списокъ; противъ имени каждаго проставляется все число голосовъ, которое оказалось въ пользу даннаго кандидата, причемъ не дѣлается отличія, составляется ли эта цифра изъ голосовъ, поданныхъ въ одномъ благочинническомъ сѣздѣ, или изъ голосовъ, полученныхъ кандидатомъ на разныхъ благочинническихъ сѣздахъ. Такъ, напримѣръ, лицо, получившее 20 голосовъ только въ одномъ благочиніи и не имѣвшее вовсе избирательныхъ голосовъ въ другихъ благочиніяхъ, будетъ одинаково числиться имѣющимъ 20 голосовъ, какъ и лицо, получившее, напримѣръ, въ четырехъ благочиніяхъ по пяти голосовъ. При единодушномъ избраніи указывается число голосовъ, равное всѣмъ присутствующимъ на сѣздѣ. 4) Получившіи или получившіе (въ случаѣ равенства голосовъ) такимъ образомъ большинство голосовъ признаются кандидатами епархіи и представляются въ Св. Синодъ. съ общимъ заключеніемъ относительно всего выборнаго дѣла и избранныхъ кандидатовъ". ПРИКАЗАЛ: Разсмотрѣвъ вышеизложенное предложеніе и признавая цѣлесообразнымъ при предстоящихъ, на основаніи Учрежденія Госуд. Совѣта, выборахъ членовъ сего Совѣта отъ православнаго духовенства, за выбытіемъ изъ состава онаго въ текущемъ году по жребію, члена отъ монашествующаго духовенства Преосвященнаго Николая, Архіепископа Варшавскаго, и члена отъ благаго духовенства протоіерея Д. Бѣликова, сохранить въ силѣ, при примѣненіи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ 7 Марта 1906 г. и нынѣ, согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ соизволенію, послѣдовавшему 23 Іюля 1912 г., имѣющихъ соблюдаться правилъ избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ православнаго духовенства, руководственныхъ указанія, преподанныя въ п.п. 2—4 Синодальнаго циркуляр-

наго указа, отъ 10 Марта 1906 г. за № 4, по поводу бывшихъ первыхъ таковыхъ выборовъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ: 1) представить Св. Синоду по одному кандидату изъ числа Епископовъ, или другихъ монашествующихъ лицъ Православной Россійской Церкви, для замѣщенія вакансіи члена Государственнаго Совѣта, 2) сдѣлать по подвѣдомымъ имъ епархіямъ незамедлительно распоряженія о созывѣ благочинническихъ сѣздовъ, которые по мѣстнымъ удобствамъ могутъ быть назначены и въ разное время, для избранія одного кандидата и отъ благаго духовенства на вакансію члена Государственнаго Совѣта, и 3) донести Св. Синоду о результатахъ сихъ выборовъ, а равно представить о помянутомъ въ п. 1 кандидатѣ, — безъ замедленія и не позже 25 будущаго Сентября, въ крайнемъ случаѣ даже по телеграфу; причемъ свѣдѣнія о кандидатѣ изъ монашествующаго духовенства, если таковой будетъ намѣченъ Преосвященнымъ ранѣе завершения выборовъ кандидата изъ благаго духовенства могутъ быть представлены, не ожидая результата послѣднихъ выборовъ; о чемъ, для зависящаго исполненія послать Епархіальнымъ Преосвященнымъ печатные циркулярные указы. Августа 4 дня 1912 г.

На семь указѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Напечатать въ Епарх. Вѣдомостяхъ, а благочиннымъ послать циркулярный указъ для исполненія. Архіепископъ Антоній“.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Перемѣны по службѣ:

31 іюля, священники: с. Зарицка, Ровенскаго уѣзда, Гервасій *Глинскій* и с. Волосова, Житомирскаго уѣзда, Антоній *Блонскій* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

6 августа, послушникъ Житомирской Крестовой церкви Терентій *Скавронскій* назначенъ псаломщикомъ къ Троицкой церкви м. Лабуня, Изяславльскаго уѣзда.

7 августа, окончившій курсъ духовной семинаріи Анатолій *Волынскій* назначенъ священникомъ въ с. Замысловичи, Овручскаго уѣзда.

7 августа, священники: с. Дитковецъ, Кременецкаго уѣзда, Стефанъ *Пекарскій* и с. Гуліовець, Острожскаго уѣзда, Михаилъ *Александровичъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

7 августа, назначенный на священническое мѣсто въ с. Губинъ, Новоградволынскаго уѣзда, окончившій курсъ духовной семинаріи Владиміръ *Тимотіевичъ* отчисленъ отъ сего прихода.

7 августа, безм. священникъ Димитрій *Старостенко* назначенъ священникомъ въ с. Губинъ, Новоградволынскаго уѣзда.

7 августа, священники: с. Мнишина, Острожского уѣзда, Константинъ *Война* и с. Горбакова, того же уѣзда, Іоаннъ *Литвинчукъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

8 августа, псаломщики: с. Рясно, Житомирского уѣзда, Николай *Сажъ* и с. Усолусть, того же уѣзда, Василій *Масловскій* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

8 августа, псаломщикъ с. Пекарщины, Житомирского уѣзда, Харитонъ *Грицюкъ* назначенъ учителемъ Мѣлецкой школы.

9 августа, псаломщики: с. Юськовецъ, Острожского уѣзда, Всеволодъ Трофимовичъ и с. Хорошева, того же уѣзда, Ефремъ *Скоморовскій* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ с. Стетковцахъ, Житомирского уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 74 десят.; прихожанъ 2055 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Гнидавъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 39 десят.; прихожанъ 1432 души; помѣщеніе есть.

б) псаломщическія:

Въ с. Опарипсахъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 42 десят.; прихожанъ 1798 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Нискиничяхъ, Владимірволинскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 55 десятинъ; прихожанъ 1201 душа; помѣщеніе есть.

Въ с. Могилянхъ, Острожскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 рублей въ годъ; земли при церкви 54 десят.; прихожанъ 1440 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Пекарщинѣ, Житомирскаго уѣзда; жалованья псаломщику 200 руб. въ годъ; земли при церкви 2 десят.; прихожанъ 770 душъ; помѣщеніе есть.

Отъ Волынской Духовной Консисторіи.

Симъ объявляется, къ свѣдѣнію духовенства, что съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, отъ 18 мая сего года за № 4255, въ церквахъ и монастыряхъ епархіи имѣетъ быть произведенъ сборъ во время утрени и обѣдни, въ день Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи (29 августа) въ пользу общества по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Собранныя деньги должны быть представлены *черезъ благочинныхъ въ Консисторію* для отсылки по принадлежности.

Отъ Совѣта Овручской второкласной школы.

Въ Овручскую второкласную школу будутъ приниматься окончившіе двухкласную или однокласную школу въ возрастѣ отъ 13 до 18 лѣтъ.

Желающіе поступить должны подать прошеніе на имя Совѣта школы о своемъ желаніи съ приложеніемъ свидѣтельства объ окончаніи курса начальной школы, метрической справки о рожденіи и отзыва о. настоятеля прихода о благоповеденіи.

Приемные экзамены будутъ произведены 17 сентября (а не 24 сентября, какъ было пропечатано въ „Жизни Волыни“), а начало занятій 20 сентября.

Переэкзаменовки ученикамъ школы будутъ произведены 27 августа.

Всѣ ученики помѣщаются въ школьномъ общежитіи и платятъ за содержаніе въ общежитіи 5 рублей въ мѣсяць (безъ мойки бѣлья). Въ началѣ года всѣ ученики дѣлаютъ единовременный взносъ въ 3 рубля на нужды школы.

Отъ Епархіальнаго Попечительства.

І. По постановленіямъ Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 2 іюля с. г., съ соизволенія Его Преосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ окружныхъ попечительствъ пособій: 1) за 1-ю половину 1912 года, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, по городскому округу, Овручскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священнической вдовѣ—Юліи Буткевичъ 6 руб.; псаломщическимъ вдовамъ—Александрѣ Комаревичъ 3 руб., Домникии Комаревичъ 6 руб. и Аннѣ Теодоровичъ 4 руб.; 2) за 1-ю половину 1912 года, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, по 4-му округу, Житомирскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: заштатнымъ псаломщикамъ—Николаю Костинскому 7 руб., Александру Левицкому 7 руб., Евѣимію Максимовичу 4 руб.; псаломщическимъ вдовамъ—Маріи Двигалюкъ 8 руб., Аннѣ Филинской 6 руб. и Маріи Костецкой 7 руб.; 3) за 1-ю половину 1912 года, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, по 5 му округу, Луцкаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Александрѣ Хотовицкой 15 руб., Наталіи Гвоздиковской 9 руб.; псаломщической женѣ—Елисаветѣ Пашкевичъ 2 руб.; псаломщическому сыну—Андрею Вижевскому 3 руб., псаломщическимъ сиротамъ—Еленѣ, Антонинѣ и Юліи Соко-

ловскимъ 5 руб., Еленѣ, Олимпиадѣ и Анастасіи изъ с. Шурина 3 руб., псаломщическимъ дочерямъ—Маріи Юнкевичъ 2 р., Ѳеклѣ Карашевичъ 3 руб.; священнической дочери—Неонилѣ Голдаевичъ 5 руб.; священнической сиротѣ—Еленѣ Тарановичъ 6 руб.; псаломщическимъ вдовамъ—Анастасіи Крестьянполь 1 руб. и Матренѣ Нарушевичъ 3 рубля

Редакторъ официальной части, Секретарь Духовной Консисторіи **В. Добровольскій.**

Часть неофициальная.

Русская правда.

Отъ Предсѣдателя Предвыборнаго Комитета.

Комитетъ нашъ объединился на началахъ православія, Самодержавія и народности, отвергнувъ всякія дальнѣйшія опредѣленія своей принципальной „платформы“, дабы такою общностью своихъ принциповъ объединить возможно большее количество русскихъ гражданъ, которые, быть можетъ, и не будутъ между собою вполнѣ согласны въ болѣе частномъ опредѣленіи чисто политическаго смысла такой „платформы“, различно будутъ себѣ представлять значеніе права „народнаго представительства“ въ нашемъ государствѣ, но за то, имѣя нѣкоторыя разности въ своихъ правовыхъ воззрѣніяхъ, останутся единодушны въ томъ, что гораздо важнѣе частностей политическихъ воззрѣній,—сойдутся въ единогласномъ признаніи *той нравственной атмосферы*, которою мы желали-бы окружить русскую жизнь.

Среди насъ не должны найти себѣ мѣста самыя строгіе монархисты, ни отрицающіе нашу святую вѣру, формальные, черствые консерваторы, даже крѣпостники, надѣющіеся обезпечить общественный порядокъ только усиленіемъ карательной власти безъ вѣры и Церкви, или допускающіе послѣднюю только въ качествѣ пугала для простого народа. Среди насъ не будетъ мѣста и моралистамъ-гуманистамъ, даже благоговѣющимъ предъ Евангеліемъ, но космополитамъ, не понимающимъ Россіи, считающимъ Царскую власть носительницею только грубаго произвола и не могущимъ ни раздѣлять, ни даже понимать беззавѣтной любви русскихъ къ своему Государю. Среди насъ не будетъ мѣста и тѣмъ вѣрующимъ въ Бога и вѣрнымъ законной власти лицамъ, которые захвачены западничествомъ, англоманіей или галломаніей, которые полагаютъ задачу Россіи и русскаго правительства только въ томъ, чтобы

пересаждавъ къ намъ западно-европейскіе порядки и глубоко презирающъ нашъ народъ, взирая на него, какъ на *tabula rasa*, какъ на безвольный матеріалъ для всякихъ административныхъ и мнимопросвѣтительныхъ упражненій интеллигентныхъ фантазеровъ. Третій принципъ нашей „платформы“ требуетъ, чтобы работа и правителей, и представителей народныхъ, и всѣхъ вообще общественныхъ дѣятелей, была бы не насиліемъ надъ народной жизнью, а развитіемъ и пробужденіемъ такихъ учрежденій и такого направленія послѣдней, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало внутреннимъ расположеніямъ народной души и тѣмъ общественно-бытовымъ и семейнымъ началамъ, которые были бы сродны историческому прошлому нашего народа, т. е. началамъ дѣйствительно народнымъ, русскимъ.

Таковъ думается смыслъ нашей платформы, установленной на Кіевскомъ учредительномъ собраніи Волынскихъ дѣятелей въ концѣ марта этого года. Далѣе, уже лично отъ себя, позволяю себѣ разяснить, что, по моему мнѣнію, потребно знать и понимать тѣмъ русскимъ гражданамъ, которые съ искреннимъ сочувствіемъ принимаютъ эти три начала общественной и государственной жизни нашей страны, какъ главные лозунги и своей собственной дѣятельности.

Обыкновенно бываетъ такъ, что въ жизни государственной, и даже во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности, либерализмъ и христіанство встрѣчаются какъ двѣ враждебныя силы, хотя первый официально провозглашаетъ такія начала, которыя своимъ происхожденіемъ всецѣло обязаны христіанству, Христу: попеченіе о народѣ, борьбу съ угнетателями, обидчиками, вымогателями, лжецами и честолюбцами. Но всѣ подобныя типы весьма рѣзко осуждены Спасителемъ въ нагорной проповѣди и въ другихъ мѣстахъ Евангелія, а служеніе меньшей братіи и жестокая кара ея соблазнителямъ высказано Господомъ съ достаточною опредѣленностію. Откуда же явилась вѣковая вражда между двумя ученіями, утверждающими, повидимому одно и то же? Быть можетъ это недоразумѣніе? Быть можетъ, какъ теперь многіе говорятъ, христіанство выяснило только нравственную жизнь отдѣльной личности, а не установило никакихъ опредѣленныхъ началъ для жизни общественной и потому не могло дать послѣдней твердыхъ и разумныхъ устоевъ, но только навредило ей своимъ индивидуализмомъ? И это совершенно невѣрно! Если Новый Завѣтъ и не продиктовалъ какихъ либо законодательныхъ формулъ для христіанскаго государства и даже не установилъ таковаго подобно боговдохновенному Моисею и мнимо-вдохновенному Магомету, то все же главное руководящее правило взаимныхъ отношеній христіанскаго общества, а слѣдовательно и всякаго христіанскаго государства, указаны Спасителемъ со всею опредѣленностію. Когда апо-

столы предъ Тайной Вечерей спорили, кто изъ нихъ большій и видимо никто не желалъ исполнить обязанностей низшаго члена общества и умыть другимъ ноги, то Господь сказалъ: „цари господствуютъ надъ народами, и властвующіе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ: но, кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій—какъ служащій. Ибо кто больше: возлежащій, или служащій? А Я посреди васъ, какъ служащій“ (Лук. 22, 25—27). Служеніе Христово выразилось въ то время умовеніемъ ногъ Своимъ ученикамъ. Не однажды говорилъ Господь подобныя слова: за немного дней до Тайной Вечери, когда Іоаннъ и Іаковъ просили у него первенства въ Его будущемъ царствѣ, Онъ отвѣтилъ тѣми-же словами и заключилъ ихъ еще болѣе точнымъ опредѣленіемъ христіанской общественности: „кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою, и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ естъмъ рабомъ. Ибо и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ“. (Мрк. 10, 43-45).

Изъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ словъ Христовыхъ и апостольскихъ ясно то, что полного равенства между людьми на землѣ никогда не будетъ, но что превосходство однихъ людей надъ другими можетъ выражаться въ двухъ совершенно противоположныхъ картинахъ или явленіяхъ въ видѣ поработенія слабаго сильными и наслажденія жизнью со стороны послѣднихъ въ ущербъ первымъ,—или, напротивъ, въ такомъ строѣ, чтобы сильнѣйшіе посвящали избытокъ своихъ силъ, талантовъ и другихъ преимуществъ на служеніе слабѣйшимъ, на попеченіе объ ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ нуждахъ. Исторія христіанской церкви показала, что слова Господни не утопія, а истинная правда; о томъ же свидѣлельствуетъ самая природа людей и даже животныхъ, предъявляя намъ основную ячейку общественности, т. е. семью, гдѣ сильнѣйшіе, т. е. родители, посвящаютъ свои силы, свой умъ и свою власть на попеченіе о своихъ дѣтяхъ или дѣтенышахъ и требуютъ отъ нихъ послушанія не для своей пользы, а для пользы тѣхъ самихъ. Возьмите другія благороднѣйшія отрасли жизни—дѣятельность хорошаго учителя, священника, доктора, писателя, ученаго, художника, пѣвца, изобрѣтателя: не то же ли самое мы видимъ? Почему же государство не должно проникаться тѣмъ же началомъ христіанской жизни, и почему современные государственные умы либеральнаго лагеря не желаютъ принять христіанскаго принципа жизни, а стараются опираться на себялюбивыя стремленія слабѣйшихъ сословій, но не пробуждать самоотверженныхъ началъ чловѣколюбія въ сильнѣйшихъ? Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ неискренностью или съ недоразумѣніемъ? Думается, что, къ сожалѣнію здѣсь больше сознательной лжи, чѣмъ недомыслія.

Если бы такъ называемые либералы искренно желали благоденствія для всѣхъ, а не мести только своимъ врагамъ, то могли-ли бы они искренно надѣяться на общее благополучіе, посѣявъ ожесточенную вражду между классами и основавъ всѣ свои надежды на такой враждѣ.

„Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы?.. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, или дерево худое приносить плоды добрые (Мате 7, 18). Общественный строй, созданный на зависти, злобѣ и мщеніи, на себялюбивой борьбѣ, можетъ ли нравственно породить побѣдителей—озлобленныхъ пролетаріевъ, если бы имъ только удалось сдѣлаться побѣдителями? Проповѣдники правового либерализма достигали въ тѣхъ странахъ гдѣ имѣли успѣхъ, только одного: они посредствомъ озлобленныхъ ихъ же проповѣдью пролетаріевъ вырвали власть у королей и родовой аристократіи и отдавали ее въ руки наиболѣе сильныхъ себялюбцевъ, а сила борцовъ измѣряется внутреннимъ качествомъ—хитростью, и внѣшнимъ—богатствомъ; первсе свойство—свойство личностей, а второе—родовое, (ибо переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ), а потому и болѣе прочное,—и вотъ природную аристократію въ Европѣ замѣнила плутократія, и сила ея власти тѣмъ сильнѣе, тѣмъ несокрушимѣе, чѣмъ радикальнѣе порядки данной страны: всего сильнѣе она въ Америкѣ, а затѣмъ въ республиканской Франціи и въ ультра конституціонной Англии. Такъ независимый европейскій либерализмъ, возстающій противъ авторитета религіознаго, монархическаго и родового, есть въ сущности скрытая проповѣдь плутократіи, а воздыханія его о служеніи народу, о равенствѣ, братствѣ и свободѣ—суть словеса лукавствія, повторяемая только для того, чтобы держать на своей сторонѣ пролетаріевъ, и искренности этихъ словъ изъ образованнаго общества вѣрятъ только студенты и гимназисты, не имѣющіе жизненнаго опыта.

Кто не знаетъ, что главнымъ представителемъ пролетарскаго социализма въ Германіи является миллионеръ еврей Бебель,—что и въ прочихъ странахъ ораторы социалистическихъ митинговъ посѣщаютъ послѣдніе „въ специальныхъ костюмахъ“ т. е. имѣютъ у себя обтрепанную бѣдную одежду, которую надѣваютъ только на эти митинги, чтобъ дурачить простодушный народъ.

Понятно теперь, почему подобные ораторы, писатели, публицисты и профессора такъ настойчиво стараются не только отмежевать свои демократическія симпатіи отъ христіанства, но и противопоставить ихъ послѣднему: они вовсе не желаютъ, чтобы ихъ заставили умыть ноги своимъ ученикамъ и посвящать свое время на дѣйствительное служеніе братіи: они себѣ желаютъ правъ и власти, для себя хотятъ вырвать ее у правительства и королей, а вовсе не для бѣднаго народа, который они въ душѣ презираютъ и ко-

торый ненавидятъ, какъ и просказался одинъ русскій революціонеръ, созерцая молящійся народъ.

„О чемъ эти молятся жалкіе люди?

„Покорностью дышатъ ихъ впалыя груди:

„О какъ ненавистны вы мнѣ“.

Впрочемъ, не всегда политическіе борцы считаютъ нужнымъ прикрывать свои аппетиты ссылкой не свое мнимое попеченіе о народныхъ правахъ. По крайней мѣрѣ у насъ на Руси наиболѣе либеральные элементы общества, напр., университетскія корпораціи, совершенно таки безцеремонно „потребовали“ полной автономіи и даже экстерриториальности (чего не знало ни одно европейское государство) себѣ и только себѣ. Народъ простой и честный быстро опозналъ ихъ, какъ своихъ главныхъ враговъ, и они, не сдумавъ на этотъ случай слухавить, назвали своихъ противниковъ самымъ демократическимъ, и въ тоже время историческимъ на Руси, терминомъ *черносотенцевъ*.

Но не о профессорской средѣ наша рѣчь: у насъ ея нѣтъ на Волыни. У насъ есть отголоски старой польской конституціи, конституціи при господствѣ феодаловъ, жестокихъ крѣпостниковъ, обходившихся съ крестьянами-католиками, какъ съ рабами, а съ крестьянами-православными, какъ съ быдломъ. Они въ свое время свели власть короля до ничтожества, но народъ они держали въ самомъ безпросвѣтномъ рабствѣ: конституція существовала только для нихъ, а изъ нихъ каждый былъ неограниченный деспотъ надъ своими крѣпостными, которыхъ они официально называли подданными вплоть до самага раздѣла Польши да и потомъ не переставали называть такъ же въ неофициальной бесѣдѣ вплоть до 1861 г. Оттуда, а не отъ Самодержавія, глубокая приниженность нашего крестьянина, его недовѣрчивость, его неискренность, его вялость и неподатливость на улучшеніе даже собственнаго быта, его привычка цѣловать лѣвую руку у всякаго подпанка, а у настоящаго пана—ногу, чему повѣрять не хотятъ крестьяне великороссы, когда начнешь имъ рассказывать о нашихъ Волынскихъ обычаяхъ.

Отражается ли этотъ духъ прежней польской конституціи на русскихъ интеллигентахъ? Къ счастью очень мало! Но все-же нужно сознаться, что всѣ голоса раздающіеся на Волыни въ направленіи, такъ называемомъ либеральномъ, всѣ элементы общества, враждебные патріотическому духу и исполненные вождельній конституціонныхъ, имѣютъ въ виду именно конституцію для людей привилегированныхъ, въ духѣ прежнихъ польскихъ феодаловъ съ той, впрочемъ, одной едва ли очень симпатичною разницею, что они стараются не объ аристократіи, а о плутократіи.

Личина либерализма имъ пристала всего менѣе: имъ пристало извѣстное саркастическое четверостишіе, которое Достоевскій вкладываетъ въ уста русскихъ либераловъ-западниковъ:

„Конституцію мы эту

„Изъ Европы перейдемъ,

„Поведемъ Царя къ отвѣту,

„А народъ опять скуемъ.

Стремясь къ усиленію правъ представительныхъ учреждений, мѣстныхъ и общегосударственныхъ, иногда громко выражая пожеланіе о введеніи у насъ полной конституціи, многіе изъ такихъ господъ еще болѣе были бы довольны если-бъ къ конституціи присоединено было и возстановленіе крѣпостного права. Безцеремонность подобныхъ заявленій въ лѣвыхъ частяхъ нашего русскаго общества, нерѣшающагося произнести ни одного новаго слова безъ нѣмецкой или французской указки, усилилась съ тѣхъ поръ какъ у насъ распространились сочиненія Ницше, провозгласившаго Дарвинову борьбу за существованіе и естественный отборъ и для человѣческаго общества, „Для прогресса“, гласить это ученіе: „нужны только сильныя личности, а слабыя все равно не имѣютъ родовой будущности; пусть-же первые безъ церемоніи давятъ послѣднихъ и навсегда отрекутся отъ христіанскаго предрасудка о состраданіи и служеніи меньшей братіи: да здравствуетъ только большая братія, а меньшая пропадай пропадомъ“. Теорія эта пришлась по вкусу нравственно расшатанному обществу: и либерально, и ни къ чему не обязываетъ!

Вотъ и у насъ на Волыни противъ русскаго объединенія возстали поборники такой философіи и, на удивленіе всѣмъ, поборники интересовъ крестьянства оказались въ правомъ лагерѣ, а въ лѣвомъ остались ихъ антагонисты, обвиняющіе первыхъ одновременно и въ черносотенствѣ, и въ демократическомъ социализмѣ. Вотъ и разсудите, читатель, кто-же у насъ либераленъ въ истинномъ благородномъ смыслѣ этого слова, а кто псевдо-либераль (какъ выражался покойный И. С. Аксаковъ)? Разсудите, похожъ-ли на социалиста тотъ, кто не въ пролетаріяхъ пробуждаетъ зависть и злобу, а сильныхъ, богатыхъ и знатныхъ призываетъ во имя Евангелія, во имя любви къ родинѣ, во исполненіе заявленной воли Царской, поставить цѣлью своей общественной дѣятельности и признать главнымъ дѣломъ государства и государственной думы попеченіе о народѣ, о землепашцѣ, о переселенцѣ, о фабричномъ, о солдатѣ, о дѣтяхъ, объ арестантахъ, о больныхъ, о безграмотныхъ? Для этого не нужно расширенія парламентскихъ правъ: нужно доброе участіе и внимательное изученіе нуждъ народныхъ. Дознай ихъ и разъясни. Когда увидятъ, что ты не лукавые замыслы прикрываешь братолюбіемъ, но жалѣешь людей и знаешь, въ чемъ они нуждаются, тогда за твоимъ совѣтомъ пой-

детъ и дума и Самодержавная власть и нечего имъ будетъ дѣлать между собою, и не о чемъ спорить, и нечего опасаться, потому-то тогда государственное тѣло свяжется крѣпкими и живыми узами: взаимообщенія друзей народныхъ и Царя русскаго народа, и всѣ составятъ одно дружное братство, какъ было сто лѣтъ тому назадъ, и возродятъ Россію отъ того духовнаго разоренія, которое хотѣли снова внести въ нее дванадцать языковъ не чрезъ воинское въ нее вторженіе, а чрезъ внутреннее ея растлѣніе. Его поборють тѣ, кто станетъ на путь самоотверженія, чтобы, подобно Спасителю, сказать „не да послужатъ ему, но послужити“.

Архіепископъ Антоній.

Какое значеніе въ дѣлѣ пастырства можетъ имѣть знакомство священника съ произведеніями писателей—беллетристовъ?

По самому призванію своему пастырь Церкви имѣетъ свою задачу и ближайшею цѣлью усовершенствованія своихъ пасомыхъ и нравственное руководство послѣднихъ. Понятно, что эта цѣль можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, когда пастырю прекрасно извѣстна жизнь своихъ пасомыхъ со всѣми ея хорошими и дурными сторонами. Какъ духовному отцу и нравственному руководителю, пастырю должна быть извѣстна не только жизнь своей паствы вообще, но и жизнь каждого пасомаго въ отдѣльности, его стремленія, духовные запросы, идеи и личныя склонности. И только при исполненіи этого условія отъ дѣятельности пастыря можно ожидать успѣха и смысла; иначе было бы страннымъ требовать нравственнаго руководства пасомыхъ отъ пастыря, не знающаго жизни этихъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, духовному надзору пастыря преимущественно открыта только жизнь простого, необразованнаго класса. Только люди этого класса болѣе или менѣе охотно идутъ къ нему за пастырскими совѣтами, повѣряютъ ему свои цѣли и душевныя стремленія, его совѣтами руководятся въ своей жизни и дѣятельности, однимъ словомъ, только эти малыя овцы знаютъ своего пастыря, равно какъ и пастырь знаетъ только этихъ овецъ ввѣреннаго ему стада. Но наряду съ этимъ классомъ довѣрчивыхъ, послушныхъ пастырскому голосу членовъ Церкви пастырю ввѣрено попеченіе и о другомъ классѣ, о которомъ можно сказать, что онъ не знаетъ своего пастыря, равно какъ и пастырь не знаетъ его. Это классъ нашей интеллигенціи. Жизнь послѣдней скрыта отъ наблюденій и духовнаго надзора священника; ему въ большинствѣ случаевъ совершенно не извѣстны тѣ высшіе духовные интере-

сы, которыми живетъ интеллигенція, ея духовные запросы, нравственныя идеи, высшія стремленія. Между тѣмъ пастырю необходимо знать жизнь и этихъ овецъ своего стада, необходимо для того, чтобы и имъ, по повелѣнію долга, проповѣдывать слово, чтобы и ихъ, по требованію своей пастырской обязанности, „обличать и умолять“. Откуда-же, въ такомъ случаѣ, пастырь можетъ узнавать жизнь означеннаго класса общества и своей въ то-же время паствы? Вотъ въ этомъ-то случаѣ большую пользу для него и могутъ оказывать литературныя произведенія нашихъ писателей-беллетристовъ. Благодаря послѣднимъ, у пастыря является возможность проникнуть за эту завѣсу, скрывающую отъ него жизнь нашего интеллигентнаго общества, познаться съ ея запросами, идеями и стремленіями, узнать ея хорошія и дурныя стороны. Разумѣется, наибольшую пользу въ этомъ отношеніи могутъ оказывать тѣ изъ писателей, которые не прикрашиваютъ изображаемой ими жизни общества, не стараются сгущать красокъ въ изображеніи дурныхъ и хорошихъ сторонъ ея, а изображаютъ жизнь такую, какъ она есть, берутъ свои образы прямо изъ жизни, описываютъ людей такими, какими они бываютъ въ дѣйствительности. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ на примѣръ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, годоушина смерти котораго исполнится въ настоящемъ мѣсяцѣ (22 августа). „Не однажды, пишетъ онъ въ своихъ *Литературныхъ Воспоминаніяхъ*, слышалъ я и читалъ въ критическихъ статьяхъ, что я въ моихъ произведеніяхъ отправляюсь отъ идеи, или провожу идею; иные меня за это хвалили, другіе напротивъ порицали; съ своей стороны я долженъ сознаться, что никогда не покушался создавать образы, если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Не обладая большою долей свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ почвѣ, по которой-бы я твердо могъ ступать ногами“. Въ настоящій разъ остановимся именно на произведеніяхъ Тургенева. Въ произведеніяхъ Тургенева пастырь Церкви найдетъ изображеніе жизни нашей интеллигенціи во всей ея полнотѣ; цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ типовъ пройдетъ предъ его глазами, цѣлая масса всевозможныхъ интересовъ, жизни, стремленій, недоумѣній, сомнѣній, однимъ словомъ всего, чѣмъ жива наша интеллигенція, откроется ему. И все это дастъ ему богатый матеріалъ, послужитъ средствомъ для усиленія пастырской опытности, укажетъ путь къ болѣе успѣшнымъ результатамъ пастырской дѣятельности. Само собою разумѣется, что священнику, какъ нравственно религіозному наставнику, интереснѣе всего знать *нравственно-религіозное состояніе* интеллигентнаго общества; въ этомъ отношеніи произведенія Тургенева да-

дутъ ему обильный матеріалъ, такъ какъ познакомятъ его со взглядами людей вѣрующихъ, маловѣрующихъ и совершенно-невѣрующихъ. Задачей священника будетъ лишь — ориентироваться въ доставленномъ ему Тургеневымъ матеріалѣ и затѣмъ умѣло воспользоваться имъ для своей пастырской дѣятельности. Приведемъ здѣсь сравненіе, подходящее къ данному случаю. Врачъ-диагностъ ставитъ точный діагнозъ извѣстнаго рода болѣзни, въ данное время господствующей въ странѣ, и затѣмъ предоставляетъ лѣченіе этой болѣзни докторамъ практикамъ. Подобнымъ діагностомъ *нравственныхъ* болѣзней общества былъ Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ; священники же это — духовные врачи практики, ихъ задача — воспользоваться діагнозомъ Тургенева для своей дѣятельности, врачующей души.

Что касается людей вѣрующихъ, выводимыхъ Тургеневымъ въ своихъ произведеніяхъ, то обиліемъ ихъ изображаемая имъ жизнь похвалиться не можетъ: за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, всѣ Тургеневскіе герои — люди или маловѣрующіе, или же совершенно невѣрующіе. Лучшею представительницею вѣрующей интеллигенціи въ произведеніяхъ Тургенева можетъ считаться главная героиня „Дворянскаго гнѣзда“ — Лиза Калинина. И замѣчательно то, что своему религіозно-нравственному развитію Лиза была обязана не родителямъ, не роднымъ, и даже не людямъ одного съ нею общества, а простой старухѣ, своей нянѣ. „Бывало, рассказываетъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, няня, Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслецѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой нибудь работой, или важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что рассказываетъ ей Агафья, а Агафья рассказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ рассказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божьихъ, святыхъ мучениковъ: говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодь терпѣли и нужду, — и царей не боялись. Христа исповѣдывали: какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались, какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали... Лиза ее слушала — и образъ Вездѣущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполняя ея чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, роднымъ. Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ: Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви... все это потрясало дѣвочку и проникало въ самую

глубь ея существа“. Когда въ жизни Лизы разыгралась тяжелая драма, она только въ религіи находила успокоеніе и утѣшеніе отъ волновавшихъ ее чувствъ и только въ молитвѣ искала забвенія и отрады. Вотъ какъ описываетъ Тургеневъ одинъ изъ такихъ моментовъ: „Началась все-нощная, Лиза какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не шевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась. Прикладываясь ко кресту по окончаніи все-нощной, она также поцѣловала и руку священника“. Не найдя счастья въ жизни, Лиза нашла себѣ успокоеніе въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей. „Нѣтъ, говорила она роднымъ, пытавшимся отклонить ее отъ принятаго ею рѣшенія поступить въ монастырь, я рѣшилась, я молилась, я просила со-вѣта у Бога; все кончено, кончена и моя жизнь съ вами. Не удерживайте меня, не отговаривайте“.

Гораздо многочисленнѣе другой классъ нашей интеллигенціи, который по справедливости можно назвать „маловѣрующимъ“. Тѣ изъ его представителей, которыхъ мы находимъ въ произведеніяхъ Тургенева, лишь внѣшнимъ образомъ принадлежатъ къ Православной Церкви. Вся ихъ вѣра исчерпывается механическимъ и притомъ крайне неаккуратнымъ исполненіемъ различныхъ церковныхъ обрядовъ и посѣщеніемъ богослуженій въ особо торжественные и знаменательные дни ихъ жизни. Въ этомъ почти исключительно и состоитъ вся ихъ религія. Никакими высшими духовными запросами они не задаются, о Богѣ и нравственныхъ понятіяхъ и требованіяхъ имѣютъ очень смутное представленіе. Религія для нихъ важна лишь постольку, поскольку является необходимымъ исполненіемъ ея нѣкоторыхъ обрядовъ для житейскаго обихода, — и только. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ могутъ быть названы истинно-вѣрующими герои одного изъ произведеній Тургенева („Новь“), отношенія которыхъ къ религіи изображаются такимъ образомъ: „Вечеромъ сѣли играть въ стуколку... На слѣдующій день, девятого мая, были Колины именины. Цѣлымъ домомъ, въ трехъ открытыхъ коляскахъ, съ лакэями на запяткахъ, отправились „господа“ къ обѣднѣ въ церковь, а до нея и четверти версты не было. Все произошло очень парадно, и пышно. Сипягинъ возложилъ на себя ленту; Валентина Михайловна одѣлась въ прелестное парижское платье блѣдно-сиреневаго цвѣта — и въ церкви, во время обѣдни, молилась по крошечной книжечкѣ, переплетенной въ малиновый бархатъ; книжечка эта смущала иныхъ стариковъ; одинъ изъ нихъ не воздержался и спросилъ у своего сосѣда: что это она, прости Господи, колдуетъ что ли? Неждановъ, давно не бывавшій въ церкви, забился въ уголокъ между бабами; онѣ только изрѣдка косились на него, истово крестясь, низко кланяясь; зато

крестьянскія дѣвочки въ новыхъ армячонкахъ и мальчики въ подпоясанныхъ рубашонкахъ внимательно оглядывали новаго богомольца, повернувшись прямо къ нему лицомъ... И Неждановъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ разныя думы. Послѣ обѣдни, длившейся весьма долго,—молебенъ Николаю Чудотворцу, какъ извѣстно, едва-ли не самый продолжительный (?) изъ всѣхъ молебновъ Православной Церкви,—все духовенство, по приглашенію Сипягина, двинулось къ господскому дому и, совершивъ еще нѣсколько приличныхъ случаю обрядовъ, окропивъ даже комнаты святою водою, получило обильный завтракъ, въ теченіе котораго велись обычные, благонадежные, но нѣсколько утомительные разговоры“. Изъ приведеннаго нами небольшого отрывка открывается отчасти религіозно-нравственное міровоззрѣніе представителей извѣстнаго класса нашего интеллигентнаго общества. Важность семейнаго событія потребовала отъ вышеупомянутыхъ господъ необходимости исполнить нѣкоторые нужные въ такомъ случаѣ обряды Церкви, начиная съ церковнаго богослуженія и до окропленія святою водою комнатъ въ домѣ включительно; однако не трудно видѣть, насколько механически отнеслись они ко всему этому. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ званіе русскихъ дворянъ, „великихъ господъ“, заставило ихъ отправиться въ церковь, до которой отъ дома, по замѣчанію Тургенева, и четверти версты не было, не иначе какъ въ полномъ парадѣ, въ коляскахъ съ лакеями на запяткахъ,—званіе православнаго христіанина, сына Церкви Православной, не помѣшало однимъ—цѣлый вечеръ наканунѣ великаго праздника проиграть въ стуюлку, другой—вмѣсто того, чтобы за обѣдней внимать глубоко-назидательнымъ молитвословіямъ литургіи, читать какія-то свои молитвы по своему молитвеннику, купленному, вѣроятно въ Парижѣ вмѣстѣ съ платьемъ блѣдно-сиреневаго цвѣта, и тѣмъ служить соблазномъ для молящагося народа, третьему—за торжественнѣйшимъ изъ богослуженій думать разныя думы.

Нерѣдко, наконецъ, въ произведеніяхъ Тургенева встрѣчаются лица совершенно невѣрующія, не признающія не только бытія Божія, но и ничего идеальнаго, чистаго и возвышеннаго. Понятно, что и на религію они смотрятъ какъ на вещь, совершенно ненужную, излишнюю, и, пожалуй, вредную. Впрочемъ, и въ этой средѣ совершенно невѣрующихъ людей находятся и такіе, которые считаютъ религію необходимой, какъ чисто внѣшнее средство, сдерживающее разнузданность толпы и поддерживающее порядокъ въ обществѣ. „Попы—молодцы, разсуждаетъ одинъ изъ героевъ этого типа, они правильно постигли ту истину, что посредствомъ религіи можно сдерживать толпу и устанавливать внѣшній порядокъ“. Но Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ знакомитъ насъ еще съ однимъ, довольно интерес-

нымъ интеллигентнымъ типомъ. Это типъ людей вѣрующихъ и набожныхъ въ душѣ, но тщательно скрывающихъ свою набожность изъ-за боязни показаться смѣшными въ глазахъ людей невѣрующихъ. Эти „стыдящіеся Сына Человѣческаго“, но въ душѣ искренно вѣрующіе въ Него, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются по истинѣ жалкими. Такъ, старикъ Базаровъ, отслужившій молебенъ по случаю благополучнаго пріѣзда сына, чловѣка невѣрующаго и, конечно, тайно отъ этого послѣдняго, и пригласившій затѣмъ священника обѣдать, заводитъ съ сыномъ разговоръ такого содержанія: „Мнѣ хотѣлось предварить тебя, Евгенийъ... Ты умный чловѣкъ, ты знаешь людей, и женщинъ знаешь. а слѣдовательно извинишь.. Твоя матушка молебенъ отслужить хотѣла, по случаю твоего пріѣзда. Ты не воображай, что я зову тебя присутствовать на этомъ молебнѣ: уже онъ конченъ, но отецъ Алексѣй... священникъ... онъ у насъ... кушать будетъ.. Я этого не ожидалъ и даже не совѣтывалъ... но какъ-то такъ вышло... онъ меня не понялъ... Ну и Арина Васильевна.. Притомъ-же онъ у насъ очень хорошій и разсудительный чловѣкъ... Я былъ напередъ увѣренъ, что ты выше предразсудковъ. На что я—старикъ, шестьдесятъ второй годъ живу, а и я ихъ не имѣю“. „Старикъ Базаровъ, замѣчаетъ Тургеневъ, не смѣлъ сознаться, что онъ самъ пожелалъ молебна... Набоженъ онъ былъ не менѣе своей супруги“ („Отцы и дѣти“). Нѣсколько похожъ на старика Базарова и старый помѣщикъ Кирсановъ, который долгое время находясь въ связи съ нѣкоей „Феничкой“, хотя и сознавалъ въ душѣ, что долгъ его—жениться на Феничкѣ, и сильно желалъ этого брака, однако не могъ привести въ исполненіе свое желаніе только потому, что боялся и стыдился брата. И какъ-же онъ былъ обрадованъ, когда братъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Братъ, сказалъ Павелъ Петровичъ, дай мнѣ слово исполнить одну мою просьбу?—Какую просьбу? Говори, сказалъ Кирсановъ.—Женись на Феничкѣ, исполни обязанность твою, обязанность честнаго и благороднаго чловѣка, прекрати соблазнъ и дурной примѣръ, который подается тобою, лучшимъ изъ людей!—Николай Петровичъ отступилъ на шагъ и всплеснулъ руками.—Ты это говоришь Павелъ? ты, котораго я считалъ всегда самымъ непреклоннымъ противникомъ подобныхъ браковъ! Ты это говоришь! Но развѣ ты не знаешь, что „единственно изъ уваженія къ тебѣ я не исполнилъ того, что ты такъ справедливо назвалъ моимъ долгомъ!“ („Отцы и дѣти“).

Не нужно быть особенно наблюдательнымъ, чтобы понять на основаніи произведеній Тургенева, какъ люди интеллигентнаго общества смотрятъ на служителей Православной Церкви, пастырей православныхъ. За исключеніемъ людей искренно вѣрующихъ, не стыдящихся своей вѣры,

о которыхъ по причинѣ ихъ малочисленности мы не будемъ и говорить, большинство нашихъ интеллигентовъ смотритъ на священника не какъ на духовнаго отца, пастыря, назначеннаго для нравственнаго руководства мірянъ, разрѣшенія духовныхъ стремленій и недоумѣнныхъ сомнѣній, а исключительно—какъ на чиновника, необходимаго, съ одной стороны, для поддержанія порядка въ простомъ народѣ, или для того, чтобы по первому зову исполнить требу и все то, что связано съ извѣстной требой въ житейскомъ обиходѣ, хотя бы это послѣднее и не входило въ прямой кругъ обязанностей христіанскаго пастыря. Различіе между священникомъ и гражданскимъ чиновникомъ состоитъ—лишь въ томъ, что послѣднему за его трудъ нужно платить болѣе или менѣе крупными суммами; а трудъ перваго можно вознаградить и ничтожной лептой съ прибавленіемъ развѣ „обильнаго завтрака“ (Новь), „обѣда“ (Отцы и дѣти) и „нѣсколькихъ стакановъ чаю“ (Дворянское гнѣздо). Внѣ богослуженій священникъ, по мнѣнію большинства интеллигенціи, годится только для того, чтобы вести, „назидательные, но утомительные разговоры“ (Новь), въ отсутствіи-же своемъ служить объектомъ остроумныхъ разговоровъ и колкихъ насмѣшекъ. Такъ одна изъ героинь Тургенева „смертельно боялась духовныхъ лицъ; у нихъ по ея мнѣнію, глазъ былъ дурной. Попъ у меня посидитъ, говаривала она, глядь! анъ сливки-то и скислись“ (Оймушка изъ „Нови“). „Всѣмъ извѣстно, говоритъ другой изъ Тургеневскихъ героевъ, что я человѣкъ глубоко-религіозный, православный въ полномъ смыслѣ слова; а поповскую косичку, пучекъ—видѣть не могу равнодушно: такъ и закипаетъ во мнѣ что-то, такъ и закипаетъ,“ (Каломѣйцевъ).

Имѣя такой презрительный взглядъ на православное духовенство, наша интеллигенція, естественно, не можетъ смотрѣть на пастырей, какъ на религіозныхъ и нравственныхъ руководителей общества, къ которымъ это общество можетъ обращаться за разрѣшеніемъ своихъ душевныхъ запросовъ и недоумѣній.

Между тѣмъ, многіе изъ членовъ этого общества полны всевозможныхъ душевныхъ запросовъ и часто страдаютъ душою и погибаютъ только потому, что не могутъ въ своей средѣ найти для себя правильнаго и надежнаго руководителя.

Лучшимъ представителемъ интеллигентовъ этого типа является въ произведеніяхъ Тургенева одинъ изъ наиболѣе ярко обрисованныхъ героевъ, именно Рудинъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало въ настоящее время интеллигентныхъ образованныхъ личностей, погибающихъ безцѣльно только потому, что не могутъ найти цѣли и смысла жизни въ тѣхъ узкихъ рамкахъ обыденной жизни, въ которыя ихъ ставитъ судьба? Они всѣмъ не довольны, имъ хочется большаго, хо-

чется какого-то великаго, необыкновеннаго дѣла; и блуждаютъ они въ безцѣльныхъ поискахъ за какимъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ, имъ однимъ нужнымъ смысломъ жизни, теряя нерѣдко въ этихъ поискахъ и здравый разумъ и крѣпость силъ физическихъ и душевныхъ. „Разсказать все, что со мной случилось? спрашиваетъ Рудинъ. Всего разсказать нельзя и не стоитъ... Маялся я много, скитался не однимъ тѣломъ,—душей скитался. Въ чемъ и комъ я не разочаровывался, Богъ мой! съ кѣмъ не сближался! Сколько разъ мои собственныя слова становились мнѣ противными,—но говорю уже—въ моихъ устахъ, но и въ устахъ людей, раздѣлявшихъ мои мнѣнія! Сколько разъ переходилъ я отъ раздражительности ребенка къ тупой безчувственности... Сколько разъ я радовался, надѣялся, враждовалъ и унижался напрасно! Гдѣ не бывалъ я, по какимъ дорогамъ не ходилъ!.. А дороги бываютъ грязныя“... „Неужели я ни на что не былъ годенъ? спрашиваетъ въ другомъ мѣстѣ Рудинъ. Неужели для меня такъ таки и не было дѣла на землѣ? Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и какъ я ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ-же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ, не всѣмъ людямъ данныхъ! Отчего-же эти силы остаются безплодными? Въ началѣ я, правда, не сознавалъ ясно, чего я хотѣлъ, я упивался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь,... я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ, не удастся! Что это значитъ?... [Слова, все слова! дѣлъ не было“, такъ самъ Рудинъ разрѣшаетъ томящій его вопросъ. Но почему-же Рудинъ за всю свою жизнь не могъ найти себѣ дѣла, которое-бы имѣло въ себѣ смыслъ, и дало-бы ему душевную отраду? Да потому, отвѣтимъ мы, что не пришлось ему столкнуться съ человѣкомъ, который-бы постигнувъ, что за человѣкъ Рудинъ, указалъ бы ему подходящее для него дѣло, а главное доказалъ-бы, что удовлетвореніе дѣломъ зависитъ не отъ грандіозности, блеска и мнимаго, внѣшняго величія самаго дѣла, а единственно отъ сознанія приносимой человѣкомъ пользы и чувства исполненнаго долга. Въ концѣ своей жизни Рудинъ, правда, самъ пришелъ къ такой мысли. „Какія дѣла? говоритъ онъ: слѣпую бабку со всѣмъ ея семействомъ прокормить: вотъ и дѣло“. Къ сожалѣнію, поздно пришелъ онъ къ этому выводу; поздно потому, что всѣ его мысли, идеи, стремленія уже направлены были исключительно въ сторону чегонибудь блестящаго, трескучаго. Конецъ его предсказать было не трудно: не закормленіемъ слѣпой старухи долженъ былъ онъ окончить жизнь свою, а гдѣ-нибудь за границей во время какой-либо трескучей манифестаціи, или при защитѣ какой-нибудь совершенно не нужной

ему парижской баррикады. Такъ дѣйствительно и случилось. „Въ знойный полдень, 26 іюля 1848 года, пишетъ Тургеневъ, въ Парижѣ, когда уже возстаніе „національныхъ мастерскихъ“ было почти подавлено, въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ предмѣстья св. Антонія баталіонъ линейнаго войска бралъ баррикаду. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже разбили ее; ея защитники, оставшіеся въ живыхъ ее покидали и только думали о собственномъ спасеніи, какъ вдругъ на самой ея вершинѣ, на продавленномъ кузовѣ по валеннаго омнибуса, появился высокій человекъ въ старомъ сюртукѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ, и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ растрепанныхъ волосахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой—кривую и тупую саблю, и кричалъ что-то, карабкаясь кверху и помахивая и знаменемъ и саблей. Венсенскій стрѣлокъ прицѣлился въ него и выстрѣлилъ... Высокій человекъ выронилъ знамя—и какъ мѣшокъ повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги кому-то поклонился. Пуля угодила ему сквозь самое сердце. Человекъ этотъ былъ Дмитрій Рудинъ“.

Такъ погибъ интеллигентный человекъ, полный душевныхъ силъ и стремленій приносить пользу обществу; погибъ безцѣльно, какъ безцѣльна была и вся его жизнь. Въ продолженіе всей жизни онъ искалъ себѣ какого-то великаго дѣла, и никто, къ кому онъ ни обращался не могъ указать ему послѣдняго; никто ясно и опредѣленно не указалъ такого дѣла, которое дѣйствительно было-бы великимъ, только не по внѣшности, а главнымъ образомъ, по своей сущности и смыслу. Такъ-же точно погибають и многіе, подобные Рудину, представители нашего интеллигентнаго общества. Между тѣмъ были и есть въ настоящее время люди, которые могутъ разрѣшить и отвѣтить на томящіе душевные запросы мыслящей интеллигенціи; есть люди, которые всякому, кто-бы онъ ни былъ, въ состояніи указать истинный смыслъ и высшую цѣль жизни человеческой. Это—скромные служители Церкви, православные пастыри. Къ сожалѣнію, интеллигенція не обращается къ нимъ; не обращается очевидно, потому, что не можетъ даже допустить, чтобы то, надъ рѣшеніемъ котораго мучатся и страдаютъ лучшіе представители образованнаго интеллигентнаго общества, просто и ясно, при свѣтѣ Евангелія, подъ руководствомъ Церкви, разрѣшалось пастырями Церкви. Болѣе того: намъ кажется, что Рудинъ, напримѣръ, зло и сильно насмѣялся бы надъ тѣмъ человекомъ, который посовѣтывалъ-бы ему для разрѣшенія своихъ запросовъ и недоумѣній обратиться къ священнику. Въ самомъ дѣлѣ, ну можно ли, на взглядъ тако-го господина допустить, что бы какой-нибудь „ничтожный попъ“ могъ отвѣтить на вопросъ надъ разрѣшеніемъ котораго онъ, европейски образо-

ванный, свѣдущій человекъ, руководитель общественной мысли, такъ тщетно и напрасно ломаетъ голову?! Какъ мы видѣли изъ анализа произведеній Тургенева, наша интеллигенція не вѣритъ въ священника, какъ духовнаго наставника и нравственнаго руководителя, она пока смотритъ на него исключительно какъ на чиновника, назначеннаго для однихъ требоисправленій, и только пока съ этой точки зрѣнія опредѣляетъ къ нему свои отношенія. Но въ настоящее время есть основаніе надѣяться, что подобный порядокъ вещей не будетъ продолжаться вѣчно. Среди современной интеллигенціи замѣчается стремленіе, правда пока еще слабое и неустойчивое, искать отвѣта не недоумѣнные запросы души не въ естествознаніи, какъ прежде, а въ религіи, въ христіанствѣ. Прямымъ результатомъ такого направленія является обращеніе нѣкоторыхъ представителей интеллигенціи къ духовенству и стремленіе войти съ нимъ въ болѣе или менѣе близкія отношенія; правда, этой чести пока со стороны интеллигенціи удостоиваются далеко не всѣ изъ православныхъ пастырей, а только наиболѣе извѣстные и выдающіеся, но въ будущемъ, быть можетъ, и всѣ рядовые пастыри придутъ въ живое соприкосновеніе съ интеллигенціей, „Алчущей и жаждущей правды“. Нашему духовенству, такимъ образомъ, предстоитъ исполнить новую и трудную задачу миссіи среди интеллигенціи. Отъ души желая пастырско-проповѣднической дѣятельности духовенства полного успѣха не можемъ въ заключеніе еще разъ не сказать, что послѣдній возмозженъ лишь при условіи тщательнаго и внимательнаго ознакомленія нашихъ пастырей съ жизнью интеллигенціи. Лучшимъ-же и почти единственнымъ въ настоящее время для этого средствомъ является знакомство нашего духовенства съ литературными произведеніями писателей беллетристовъ и въ особенности съ произведеніями Тургенева, такъ ярко, художественно, а главное, правдиво изображающаго жизнь всевозможныхъ классовъ и направленій нашего интеллигентнаго общества.

Н. А.

По епархіи.

М. Домбровица.

Давно уже Высокопреосвященнаго Архіепископа Антонія озабочивала мысль о достойномъ прославленіи Святой Праведной Іуліаніи, Княжны Ольшанскія на мѣстѣ Ея родины въ м. Домбровицѣ. Съ этою цѣлью въ началѣ іюля сего года Владыка лично посѣтилъ м. Домбровицу, гдѣ совершилъ Богослуженіе, а отсюда по Кіево-Ковельской дорогѣ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ ходатайствовалъ предъ Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Флавіаномъ о дарованіи въ храмъ м. Дом-

бровицы св. частицы мощей Праведной Іуліаніи. Ходатайство Владыки увѣнчалось успѣхомъ, и для храма м. Домбровицы отъ св. мощей Праведной Іуліаніи была отдѣлена довольно большая частица. Въ настоящее время Святыня находится въ Житомирѣ и будетъ передана въ м. Домбровицу по изготовленіи мѣстными прихожанами благолѣпной гробницы для св. мощей. Съ этой цѣлью Владыка отправилъ прихожанамъ м. Домбровицы слѣдующее посланіе:

„Смиранный Антоній, Божією милостію Архіепископъ Волынской и Житомирской, пастыремъ и паствѣ своей, обитающей въ предѣлахъ древняго княжества Домбровицкаго, о Господѣ радоваться.

Съ великимъ утѣшеніемъ совершали мы, братіе, Божественную литургію у васъ въ обширномъ Пречистенскомъ храмѣ мѣстечка Домбровицы 6 іюля въ день памяти святыя праведныя Іуліаніи Дѣвы, Княжны Ольшанской и Домбровицкой, которая родилась и жила на вашей родинѣ, а представилась и прославилась нетлѣніемъ и чудесами въ священномъ Кіевѣ. Ея нетлѣнныя мощи почивали сперва въ Великой церкви Лавры Кіево-Печерской, а потомъ, когда церковь сія подверглась огненному запаленію и святыя мощи сильно обгорѣли, то сохранившіяся части ихъ были поставлены въ маломъ гробѣ въ Ближнихъ пещерахъ.

Туда и направились наши стопы послѣ общей съ вами молитвы. Прибывъ во святую Лавру на праздникъ Преподобнаго Антонія Печерскаго, мы поспѣшили въ чудотворныя пещеры и тамъ, предъ св. мощами заказали молебень св. Іуліаніи и со слезами молились вмѣстѣ съ нѣсколькими духовными отцами изъ нашего Житомира, чтобы угодница Божія соизволила на перенесеніе части ея св. мощей на родину свою, въ вашъ Домбровицкій храмъ. Во время молитвы мы съ радостью замѣтили на крышкѣ ея св. раки изображеніе мѣстности, подобной берегу Горыни Домбровицкаго замка; по ту сторону рѣки изображена въ пригоркѣ пещера, а предъ нею стоитъ св. Іуліанія, въ молитвѣ бесѣдуя съ Богомъ.

Наше прошеніе о частицѣ мощей угодницы Божіей благосклонно принялъ Владыка митрополитъ Флавіанъ, а также о. намѣстникъ Лавры и братія и на другой же день отдѣлили часть нетлѣнныхъ мощей святой угодницы, причемъ иноки, исполнявшіе это святое дѣло, были поражены исходящимъ отъ мощей благоуханіемъ, въ чемъ узрѣли знакъ милости Божіей къ нашей Волынской землѣ. Теперь эти св. мощи у насъ. Частицу намъ отдѣлили довольно большую, и я рѣшусь ее отдать для вашего храма только тогда, когда вы изготовите для нея, какъ я и объяснялъ вамъ во время своего служенія у васъ, достойную святыни раку. Св. Василій Великій удостоверяетъ христіанъ въ томъ, что каждая ча-

стица нетлѣнныхъ мощей святыхъ Божіихъ Угодниковъ имѣетъ такую же благодатную силу, какъ и цѣлая мощи. Вотъ почему вы должны для принятія сей святыни изготовить большую раку, какъ бы для цѣлыхъ мощей и написать на ея верхней доскѣ благолѣпный образъ св. Іуліаніи, въ который мы и вложимъ св. мощи для общаго поклоненія и цѣлованія.

Раку должны поставить на высококомъ амвонѣ въ лѣвой сторонѣ св. храма и въ каждый воскресный день послѣ вечерни совершать предъ нею пѣніе молебна съ полнымъ канонемъ и молитвою св. Іуліаніи.

Да будетъ она предстательница за вашу Домбровицу и за всѣ окрестныя села, входившія въ предѣлы прежняго княжества Домбровицкаго, затѣмъ—за всю Святую Русь и за весь міръ, источая отъ св. мощей своихъ въ вашемъ храмѣ благодатныя исцѣленія и другія знаменія. Усердствуйте же христіане собраніемъ лепты своей на сооруженіе раки святой Іуліаніи, примите и отъ меня первую лепту—сто рублей, и сами не скупитесь на святое дѣло. Я давно, думалъ о томъ, что подобаетъ въ вашемъ поселеніи прославить святую Божію, но не рѣшался начать это дѣло, не убѣдившись своими глазами въ вашемъ усердіи и вѣрѣ. Окажитесь-же достойными Божіей благодати, которая идетъ къ вамъ, чтобы потомъ чистымъ сердцемъ радоваться, взирая на благолѣпную святыню и сподобляться милостиваго заступленія отъ вашей великой соотечественницы святой праведной Іуліаніи. Аминь“.

Изъ жизни другихъ епархій.

Въ Иркутской епархій Архіепископъ Иркутскій Серафимъ утвердилъ уставъ союза православныхъ приходоу Иркутской епархій для участія въ предвыборной дѣятельности въ 4-ю Г. Думу духовенства и православныхъ мірянъ.

Въ основу дѣятельности этого союза положены слѣдующія начала: 1) Союзъ приходоу признаетъ и желаетъ, чтобы и всѣ другіе признали, что христіанская православная вѣра есть и должна остаться навѣки основою личной, семейной, общественной и государственной жизни и потому должна всегда быть господствующей въ Россіи среди всѣхъ другихъ религій и исповѣданій, 2) Второю основою всей исторической жизни русскаго народа союзъ считаетъ самодержавіе русскіхъ царей и полагаетъ, что законодательная власть самодержавнаго Государя осталась неизблемой и послѣ 17 го октября. 3) Третьей великою основою и историческою силою родины союзъ признаетъ русскую народность, какъ собирательницу земли русской, и потому среди всѣхъ племенъ и

народовъ Россіи только русскую народность онъ признаетъ державной и господствующей.

Полагая въ основу своей дѣятельности эти три идеи: православіе, самодержавіе и народность союзъ ставитъ своей задачей: а) въ отношеніи православія—широкое развитіе обще-церковной, епархіальной и приходской жизни, сохраненіе полной вѣротерпимости для всѣхъ другихъ религій и исповѣданій, освобожденіе православнаго духовенства отъ матеріальной зависимости отъ прихода путемъ обезпеченія его казеннымъ жалованьемъ; б) въ отношеніи управленія государствомъ—незыблемость самодержавія и представительнаго образа правленія; в) въ отношеніи развитія и огражденія русской народности—развитіе русскаго національнаго сознанія, предоставленіе инородческимъ окраинамъ хозяйственнаго самоуправленія при полномъ огражденіи русскихъ интересовъ, въ цѣляхъ огражденія интересовъ кореннаго русскаго населенія пересмотръ законовъ о евреяхъ, содѣйствіе росту боевой мощи Россіи, религіозно-нравственное развитіе государства, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ покупки за счетъ государства для бѣдныхъ крестьянъ казенныхъ и частныхъ земель, улучшеніе сельско-хозяйственной культуры и кустарнаго промысла, упорядоченіе условій труда и взаимныхъ отношеній между рабочими и работодателями, увеличеніе государственнаго кредита на помощь переселенцамъ, поддержка торговли, промышленности и земледѣлія. Въ частности для Сибири союзъ считаетъ существенно необходимымъ: введеніе земства, учрежденіе суда присяжныхъ, расширеніе жел.-дор. путей, улучшеніе судоходства по рѣкамъ Сибири, широкое развитіе горнаго дѣла, упорядоченіе рыболовства и звѣроваго промысла и т. п.

Союзъ православныхъ приходовъ стоитъ внѣ всякихъ политическихъ партій. Районъ его дѣятельности обнимаетъ всѣ православные приходы Иркутской епархіи. Членами союза могутъ быть всѣ лица, сочувствующіе его цѣлямъ. Для управленія дѣлами союза учреждаются комитеты: губернской въ г. Иркутскѣ, благочинническіе въ благочинническихъ округахъ и уѣздные въ уѣздахъ.

(Ц. В.)

Въ Томской епархіи Архіепископъ Макарій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы члены причтовъ, (не только одноштатныхъ, но и многостатныхъ), за исключеніемъ случаевъ неотложныхъ, къ каковымъ не могутъ относиться сдача экзаменовъ, рукоположеніе въ священный санъ и т. п., отнюдь не оставляли своихъ приходовъ въ слѣдующіе дни: 1) со дня пятницы Сырной седмицы до среды Ѳоминой недѣли; 2) съ 22 декабря до 8-го января, 3) въ дни храмовыхъ и другихъ мѣстно-чтимыхъ праздниковъ и 4) въ дни поминовенія и крестныхъ ходовъ. Благочинные въ указанные здѣсь дни не должны назначать благочинническихъ съѣздовъ и

не давать какихъ либо командировокъ членамъ причтовъ, кромѣ случаевъ неотложныхъ и по особымъ распоряженіямъ епархіальной власти.

(Владим. Е. В.).

Въ Пензенской епархіи Епархіальное Начальство въ виду того, что въ пасхальную заутреню сего года въ одной изъ церквей Пензенской епархіи послѣ крестнаго хода вокругъ храма одинъ изъ прихожанъ устроилъ внутри церкви иллюминацію, сожигая на амвонѣ фейерверки съ вылетающими огненными звѣздами, бенгальскіе огни и т. п., постановило: „Въ предупрежденіе на будущее время подобныхъ явленій, профанирующихъ религію и церковное богослуженіе, предписать епархіальному духовенству отнюдь не допускать въ церквахъ сожиганія какихъ бы то ни было фейерверковъ, бенгальскихъ огней и другихъ издѣлій пиротехники. Въ пасхальную заутреню, для приданія богослуженію соотвѣтствующей моменту торжественности, можетъ быть допускаемо усиленное освѣщеніе внутри храма, но не иначе, какъ посредствомъ церковныхъ свѣчъ, а также лампадъ и стаканчиковъ съ елеемъ.

(„Пензен. Епарх. Вѣд.“).

Въ Тульской епархіи Епархіальное Начальство, опредѣленіемъ своимъ между прочимъ постановило: „въ виду большого количества случаевъ производства формальныхъ слѣдствій по прошеніямъ о неполной записи въ метрическихъ книгахъ актовъ рожденія, брака и смерти прихожанъ, выражающейся въ томъ, что еще многіе причты не пишутъ фамилій своихъ прихожанъ ни въ метрическихъ книгахъ, ни въ исповѣдныхъ росписяхъ, предписать циркулярно всѣмъ причтамъ церквей епархіи, чтобы они при записи въ метрическихъ книгахъ событій рожденія, браковъ и смерти своихъ прихожанъ, а равнымъ образомъ и въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ неопустительно писали фамиліи своихъ прихожанъ, для чего имѣли бы самья достовѣрныя свѣдѣнія отъ волостныхъ правленій, купеческихъ и мѣщанскихъ обществъ и дворянскихъ депутатскихъ собраний, съ присовокупленіемъ, что, въ случаѣ и дальнѣйшаго небреженія въ этомъ отношеніи, виновные будутъ подвергаться строгой отвѣтственности“. („Тульск. Е. В.“).

Въ Курской епархіи Архіепископъ Курскій, Высокопреосвященный Стефанъ, чрезъ мѣстную духовную консисторію преподаль причтамъ Курской епархіи слѣдующее: если при вѣнчаніи браковъ, будетъ обвиненіе жениха, въ обольщеніи другой и просьбы съ чьей-либо стороны о недопущеніи его къ повѣнчанію съ избранной невѣстой, то причты должны принимать всѣ мѣры пастырскаго вліянія на жениха къ убѣжденію его не нарушать своего обѣщанія, даннаго другой. При этомъ прочитывать жениху и невѣстѣ, а равно и

родителямъ ихъ 1531 ст. улож. о наказ.; если же пастырское увѣщаніе не будетъ имѣть успѣха, и, несмотря на ожидаемая послѣдствія по означенной статьѣ для жениха за обольщеніе, невѣста и родители ея будутъ настаивать на бракѣ, то должно вѣнчать браки, объявивъ сдѣлавшей заявленіе, что она можетъ обратиться съ жалобой на обольстителя къ гражданскому суду.

Въ Пермской епархіи Преосвященный Палладій сдѣлалъ слѣдующее предложеніе дух. консисторіи: „Псаломщикъ Кунгурской Успенской церкви Викторъ Поповъ не исполняетъ распоряженія епархіальнаго начальства относительно хожденія въ церковь непремѣнно въ подрясникѣ. Предлагаю духовной консисторіи немедленно оштрафовать псаломщика Попова въ пользу епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія десяти рублями и сбязать его особою подпискою являться въ церковь и къ требамъ, равно какъ и къ начальству, всегда въ подрясникѣ.

Вмѣстѣ съ симъ прошу вновь предписать всѣмъ благочиннымъ и настоятелямъ церквей озаботиться наблюденіемъ, чтобы всѣ псаломщики незамедлительно исполнили распоряженіе епархіальнаго начальства о приобрѣтеніи подрясниковъ и ходили только въ этой одеждѣ въ церковь и къ требамъ и представляясь своему начальству. О непослушныхъ слѣдуетъ доносить мнѣ“.

(Пермск. Еп. Вѣд.).

Свѣтская печать о духовенствѣ.

Два литературныхъ произведенія.

(„Соврем. Слово“, №№ 1554 и 1557, 6 и 9 мая, 1912 г.; „Недѣля Совр. Слова“, № 219, 18 іюня).

Передъ нами два „литературныхъ произведенія“. Одно изъ нихъ, напечатанное въ отдѣлѣ большого фельетона столичной газеты, занимаетъ четвертую часть большого газетнаго листа; другое помѣщено въ литературномъ приложеніи къ газетѣ. Первое изъ нихъ—разсказъ А. Будищева, озаглавленный „На другой день“; второе—„О. Василій“, часть очерковъ В. Базилевича подъ общимъ заглавіемъ „Русскіе въ Финляндіи“. Оба автора пишутъ въ названныхъ произведеніяхъ про духовныхъ. Общаго въ нихъ нѣтъ ничего за исключеніемъ того, что оба произведенія, какъ и газета съ приложеніемъ, въ которыхъ они помѣщены, по своему духу принадлежатъ къ литературѣ лагеря прогрессивнаго. Соединяемъ ихъ въ одной статьѣ въ виду ихъ незначительности и по объему и по качеству.

Въ разсказѣ „На другой день“ авторъ рисуетъ впечатлѣніе, произведенное смертною казнью на старенькаго сельскаго священника, имѣющаго въ данномъ случаѣ то преимущество передъ горожанами, что жизнь не притупила въ немъ естественной впечатлительности и, съ другой стороны, не повысила ее до истерической чувствительности. Содержаніемъ разсказа служить, значитъ, нѣчто изъ психологіи сельскаго священника, безмятежно прожившаго свой вѣкъ, и на склонѣ его столкнувшагося съ явленіемъ, къ которому былъ совсѣмъ неподготовленъ.

Въ приходѣ о. Игнатія—такъ называется у автора этотъ священникъ—казнили за вооруженное сопротивленіе войскамъ трехъ крестьянъ. Впечатлѣніе этой минуты на другой день для него, по словамъ автора, не только не потускнѣло, но еще ярче, еще грознѣе выдвинуло нѣкоторыя ея подробности. Было въ нихъ что-то такое страшное и неправдоподобное, страшнѣе чего ничего уже даже и во снѣ не могло придумать подавленное воображеніе. И во снѣ о. Игнатій переживаетъ кошмарную дѣйствительность.

„И хлюпая во снѣ грудью, видѣлъ о. Игнатій: рѣзкій вѣтеръ дулъ русломъ оврага, какъ въ трубу, и шипѣлъ на разные голоса въ кустарникѣ краснаго лозняка. Лица солдатъ казались каменными, и лезвіе офицерской сабли загоралось то розовымъ, то синимъ огнемъ. И было то пасмурно, то свѣтло. За тучами шло солнце, выбрасываясь порою золотыми бурными водопадами. Тяжелыя рѣдкія капли падали по временамъ, хрустя по песку. А онъ стоялъ, точно окаменѣвъ, не вѣря своимъ глазамъ, и мятущемуся уму припоминались страшныя слова откровенія Іоанна: „И всякій островъ убѣжалъ, и горь не стало“. И глаза безпокойно ждали, что вотъ-вотъ разверзнутся черныя бездны и упадетъ градъ величиною въ талантъ“.

На фонѣ этого мистическаго ужаса душу о. Игнатія угнетали два чувства: тяжелое недоумѣніе и смутное, но не менѣе тяжелое чувство виновности въ чемъ-то. Тѣ трое, которыхъ постигла такая страшная участь, изъ среды другихъ ничѣмъ не выдѣлялись: всѣ были хорошими прихожанами. О. Игнатію живо припоминалось, какъ:—

...„зазвенѣли вешнимъ звономъ возликовавшіе колокола церковные и навстрѣчу первому вешнему вѣтру, свѣжему и крѣпкому, вышелъ онъ съ крестнымъ ходомъ. И впереди всѣхъ идетъ длинный Никаноръ Стыня съ тяжелой хоругвью Богоявленія Господня. И вторымъ идетъ степенный Пахомъ Селезневъ съ Евангелиемъ, которое онъ держитъ вровень съ сѣдой бородою. И, накренившись подъ вѣтромъ, несетъ рыжий Карпуха широкое распятіе. И головы всѣхъ трехъ умашены масломъ и глаза тверды и серьезны“.

Станнымъ казалось о. Игнатію, что съ этими людьми произошла такая страшная въ злобѣ-

щей обстановкѣ катастрофа, что ихъ вдругъ убили и зарыли, не дозволивъ даже похоронить, какъ другихъ людей. Если бы о. Игнатій вычиталъ про такую казнь въ газетахъ, онъ былъ-бы спокоенъ: никогда не увидѣлъ-бы онъ казенныхъ и представлялись-бы они ему людьми особенными, страшными, заслужившими своими страшными дѣянiami такую участь. Но казнь произошла у него на глазахъ—въ оврагѣ за селомъ, въ которомъ онъ мирно священствовалъ тридцать лѣтъ; а тѣ, которыхъ казнили, были люди самые обыкновенные, такіе какъ и всѣ. И было въ этомъ событіи для о. Игнатія что-то такое неотвязчивое и тяжелое, какъ угрызенія совѣсти за невольный, но великій грѣхъ. На завалинкахъ—онъ ясно видѣлъ это—говорили о вчерашнемъ событіи; у него въ кухнѣ шептались о томъ же; матушку занимало горе осиротѣвшихъ семействъ—и онъ чувствовалъ, что все это имѣетъ какое-то отношеніе непосредственно къ нему, какъ будто онъ былъ виновенъ въ случившемся. Въ видахъ автора о. Игнатій не знаетъ пока, въ чемъ его вина: потомъ, къ концу разказа, авторъ введетъ въ его сознаніе образъ св. Николая, останавливающаго руку палача. А пока о. Игнатій сердится за неотвязчивыя мысли и на себя и на матушку, которая подзадоривала ихъ краснорѣчивыми списаніями горя овдовѣвшихъ женъ.

„Да я-то тутъ причемъ?—сердито выкрикивалъ о. Игнатій—Въ чемъ вы меня-то, старика, обвиняете? Въ чемъ я-то провинился?“

Придя къ Карпухиной избѣ, чтобъ навѣстить вдову, и выслушавъ жалобы мальчика, котораго овдовѣвшая мать прибила и пригрозила оставить на голудную смерть, онъ вдругъ, къ изумленію юнаго зрителя, „низко сгибаясь и размахивая посохомъ, закричалъ истерично и вопленно:

Вретъ она! И нарочно она это! И мужики нарочно мнѣ въ глаза не смотрятъ. Развѣ я не вижу. Ишь они нашли глупенькаго. Они лица отъ меня отвертываютъ. Они сторонятся отъ меня, какъ отъ прокаженнаго“.

Такъ какъ о. Игнатій не зналъ, въ чемъ его вина, то во всемъ, что ему такъ или иначе напоминало о вчерашнемъ событіи, видѣлъ несправедливую обиду себѣ. Это такъ его расслабило, что на вопросъ матушки, почему казенныхъ хоронить не позволили, онъ, не выдержавъ, заплакалъ мелкими старческими слезами. Ему захотѣлось, чтобы его приласкали, поухаживали за нимъ, какъ за больнымъ.

Въ третьей главѣ авторъ рассказываетъ, какъ о. Игнатій уразумѣлъ, въ чемъ его вина, и что онъ послѣ этого сдѣлалъ.

На пути отъ Карпухиной избы, гдѣ произошла сцена съ мальчикомъ, о. Игнатій зашелъ въ волостное правленіе. Тутъ, сидя за столомъ, онъ вспомнилъ, что справа на стѣнѣ виситъ олеографія, изображающая св. Николая, останавливающаго

руку палача. Въ полуобморокѣ онъ сдѣлалъ движеніе, какъ-бы сползая со стула на полъ. Его во время поддержали. Оправившись, онъ сказалъ встревоженнымъ хозяевамъ, что попадѣ нездоровится, и заспѣшилъ домой. Его старческой бѣгъ остановилъ дьячекъ Угрюмычъ, которому вчерашнее событіе также не давало покоя. Угрюмычъ не могъ примириться, главнымъ образомъ, съ тѣмъ фактомъ, что казенныхъ зарыли безъ отпѣванія. По его мнѣнію всѣ указанные въ уставѣ случаи не подходили къ данному событію. Остановивъ о. Игнатія, онъ предложилъ ему исправить такую неправильность, отслуживъ панихиду. О. Игнатій не сразу отвѣтилъ. Какъ ни тяжело было у него на душѣ, какъ ни соблазнительно было предложеніе Угрюмыча, обѣщавшее ему успокоеніе, о. Игнатій не измѣнилъ своей старческой осторожности. Казенные были лишены погребенія по волѣ начальства, поэтому заманчивое предложеніе означало послушаніе и сулило всѣ вытекающія отсюда неприятыя послѣдствія. Однако жажда успокоенія взяла верхъ. О. Игнатій рѣшилъ отслужить панихиду тайно, ночью, когда уснетъ село.

„Имъ, конечно, что,—сказалъ о. Игнатій по пути въ оврагъ,—они пріѣхали и уѣхали. А мнѣ жить съ ними до послѣдняго вздоха моего, крестить ихъ, вѣнчать, хоронить. И нести за все отвѣтъ Богу!“

На это искренній, простосердечный дьячекъ отвѣтилъ:

„А я не такъ, отецъ, думаю? мы ими живы“...

Дома о. Игнатій выпрашиваетъ у скупой матушки три рубля, яко-бы для нужнаго человѣка, просившаго займы, выдумываетъ неотложное дѣло къ Угрюмычу, относитъ деньги вдовѣ Карпухи и, крадучись, вдвоемъ съ дьячкомъ подъ осеннимъ дождемъ пробирается въ оврагъ. Ночью жуткая тишина оврага, надъ которымъ выль вѣтеръ, долго оглашалась двумя старческими головами, пѣвшими печальныя похоронныя молитвы.

На этомъ разказъ и заканчивается. Психологіи, какъ видятъ читатели, въ немъ немного, и то, что сказано объ о. Игнатіи въ этомъ отношеніи, мало опредѣляетъ его священнической обликъ. То, что переживаетъ о. Игнатій, могъ-бы испытывать любой мірянинъ на его мѣстѣ. Въ самомъ характерѣ его авторъ даетъ такія черты: совѣстливость, старческую опасливость и мнительную подозрительность. Послѣднія двѣ служатъ обычно спутницами старости, и основы характера о. Игнатія очевидно не составляютъ. Для опредѣленія этой основы весьма знаменательно слѣдующее наставленіе матушки, надѣленной въ разказѣ всего-на-всего одною индивидуальною чертою—скупостью:

„Только зря не транжирь“—сказала она сухо, подавая о. Игнатію трехрублевку,—ты вѣдь

другой разъ верченнымъ бываешь... и на попа бываешь не похожъ“...

Если матушка имѣла въ виду случаи, подобные описанному въ разсказѣ, когда о. Игнатій безкорыстно помогаль кому-нибудь изъ прихожанъ, то къ характеристикѣ его прибавится еще одна черта, которая наряду съ его совѣстливостью, будетъ основною.

Очеркъ В. Базилевича весь проникнутъ уваженіемъ, если не сказать благоговѣніемъ, къ финанамъ и недовольствомъ противъ русскихъ, мѣшающихъ „нормальному теченію жизни въ странѣ, которая живетъ своей культурой“. Въ заголовкѣ его стоитъ: „О. Василій“. Такъ какъ настоящій очеркъ служить лишь первою частью задуманнаго авторомъ цѣлаго ряда очерковъ изъ жизни русскихъ въ Финляндіи, то упомянутое заглавіе означаетъ, что авторъ среди всѣхъ вообще русскихъ, тормозящихъ финскую культурную жизнь, беретъ въ первую голову русскаго священника. Судя по сокращеніямъ собственныхъ именъ въ текстѣ, авторъ очерковъ имѣетъ въ виду лицо дѣйствительное, которое ему недавно довелось встрѣтить въ Финляндіи.

Лицо это—о. Василій, священникъ кладбищенской церкви одного изъ приволжскихъ городовъ. Получивъ по протекціи отца своего, соборнаго протоіерея, городской приходъ, о. Василій женился и вознамѣрился сдѣлать карьеру, т. е. пристроиться вполсѣдствіи къ собору. Судьба, однако, опредѣлила ему другое. Молодая попадья оказалась алкоголичкою, пила и внушалась кромѣ того въ любовную связь съ учителемъ семинаріи. Пришлось о. Василию энергію, заготовленную для завоеванія карьеры, истратить на войну съ женою. Когда она умерла, онъ все простилъ покойницѣ, которую, повидимому, очень любилъ, а самъ запилъ, „закрутилъ“—и угодилъ подъ конецъ въ ..скій монастырь „ради обузданія плоти“. Тутъ онъ сдружился съ о. Варсонофіемъ, съ его помощью спасся отъ монастырскихъ грѣшниковъ, увлекавшихъ его дальше по торной дорогѣ пьяницы и навсегда вылечился отъ пьянства, въ знакъ чего сочинилъ даже брошюрку, подъ заглавіемъ: „Слово истины противъ тѣхъ, кто самъ злоупотребляетъ алкоголемъ или совращаетъ другихъ“. Изъ нея епископъ уразумѣлъ, что о. Василій исправился, простилъ его и опять назначилъ на тотъ-же приходъ. Но не простила о. Василию былыхъ излишествъ его собственная натура: появились признаки надвигающейся чахотки. Тогда по совѣту брата, которому ничто не помѣшало сдѣлать карьеру—пристроиться въ званіи ключаря къ собору, онъ отправился въ Финляндію, въ одну изъ санаторій для леченія. Тутъ авторъ съ нимъ и встрѣтился.

Оставляемъ въ сторонѣ все то, чѣмъ по традиціи, сложившейся въ литературѣ, авторъ надѣ-

ляетъ своего священствующаго героя, именно: вульгарный языкъ съ пристрастіемъ къ уменьшительнымъ словамъ, кряканье въ затруднительныхъ случаяхъ и наивное простодушіе. Свою суть о. Василій самъ, по словамъ автора, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Я съ юности моей,—признается онъ автору,—склоненъ къ поучительству. Въ душѣ-то у меня миссіонеръ сидитъ!“

Образованіе свое о. Василій закончилъ курсомъ семинаріи, и потому академическаго диплома во удостовѣреніе своихъ миссіонерскихъ способностей онъ представить не могъ, хотя твердо былъ убѣжденъ, что на мѣстѣ миссіонера онъ былъ-бы полезнѣе „десятка академиковъ“. Мечты своей о. Василій, однако, не оставилъ, и тутъ въ Финляндіи налаживаетъ при помощи вліятельнаго знакомаго свое назначеніе карельскимъ миссіонеромъ, съ тайною надеждою проникнуть потомъ въ самое сердце иновѣрческаго лагеря. А такъ какъ личный опытъ и составленіе брошюрки сообщили ему нѣкоторое знакомство съ вопросомъ о пьянствѣ—свою миссію онъ рѣшаетъ начать съ борьбы противъ алкоголизма. Это собственно больше всего не нравится автору очерковъ, который въ элегическомъ тонѣ пишетъ по этому поводу слѣдующее:

„Смотрѣлъ я на простодушное лицо о. Василія и думалъ: сколько въ этомъ челоуѣкѣ нашего, истинно-русскаго... Вчера онъ самъ въ себѣ съ трудомъ поборолъ пагубную страсть къ алкоголю, а сегодня онъ уже собирается поселиться въ культурной странѣ и начать борьбу съ тѣмъ-же алкоголемъ. Полуграмотно, неубѣдительно составлена имъ брошюрка о вредѣ пьянства и когда онъ писалъ эту брошюрку, въ немъ самомъ еще бродилъ угаръ опьяненія... Опьяненнымъ вѣрою въ свои силы миссіонера надумалъ онъ отвоевать свою служебную карьеру въ странѣ озеръ и вѣрится въ успѣхъ“.

„Полуграмотная“ брошюрка служитъ предметомъ авторской гордости о. Василія. Ее онъ даритъ всѣмъ въ пансіонѣ, не исключая и прислуги, изъ-за нея онъ горячо споритъ съ мужчинами, не соглашавшимися съ развитыми въ ней положеніями. Когда знакомые, посмѣиваясь надъ нимъ, указывали, что слуги-финны не знаютъ по русски ни слова, о. Василій говорилъ:

„А можетъ быть какъ-нибудь и разберутъ... Господь съ ними!.. Мой долгъ не скрывать моихъ поученій“.

Дамы совсѣмъ не читали брошюры, что очень огорчало о. Василія, такъ какъ по его искреннему убѣжденію, вынесенному изъ собственной семейной жизни, среди нихъ именно и было много тайныхъ алкоголичекъ. Этотъ секретъ заставляетъ о. Василія въ обществѣ держать себя загадочно знающимъ что-то такое, чего не дано уразумѣть простымъ смертнымъ.

Некультурность сознанія о. Василя авторъ иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ. О. Василій познакомился съ г-жей Р..., принимавшей видное участіе въ финскихъ религіозныхъ кружкахъ, состоявшей членомъ „арміи спасенія“ и бывшей горячею поклонницею Толстого. Въ своей обширной дѣятельности она вела также и борьбу съ алкоголизмомъ. Общность задачъ, должна была сблизить о. Василя съ этой дамой—такъ казалось автору. Однако, противъ его ожиданій, о. Василій отнесся къ новой своей знакомкѣ недружелюбно. Г-жа Р. . была, во-первыхъ, неправославная, и несла свою вѣру туда, куда онъ вознамѣрился идти съ православнымъ евангеліемъ и крестомъ; во-вторыхъ, ему, лицу духовному, казалось неприличнымъ идти рядомъ съ женщиною; въ третьихъ, о. Василій былъ убѣжденъ, что „армія спасенія“—общество крамольное; наконецъ, онъ не считалъ возможнымъ заводить дружбу съ поклонниками Толстого. Съ точки зрѣнія автора, подобное отношеніе о. Василя къ вопросамъ современности, обличаетъ въ немъ грубаго фанатика-абскуранта. Сблизило автора съ о. Василюмъ море. Часто, усѣвшись въ лодку вдвоемъ, они подолгу катались, причемъ о. Василій часто рассказывалъ автору „красивыя библейскія легенды“. Авторъ сравниваетъ свою любовь къ морю съ отношеніемъ къ нему о. Василя и этимъ путемъ отмѣчаетъ въ своемъ героѣ религіозное міросозерцаніе. Въ то время, какъ авторъ любитъ море по-земному, за его вѣчную измѣнчивость, необъятный просторъ и свободу, за широкую гладь, отражающую небо, солнце, звѣзды и облака,—въ о. Василю оно пробуждаетъ религіозныя чувства: навѣваетъ воспоминанія о другомъ морѣ, гдѣ некогда плавалъ Христосъ со Своими Учениками.

М. В—скій.

Извѣстія и замѣтки.

— Какъ терзаютъ въ Австріи православныхъ. (Письмо православнаго священника). 26 мая 1911 года прибылъ я въ Галицію въ городъ Львовъ. При входѣ на станцію зорко слѣдившіе сыщики ввели меня въ жандармскую, гдѣ начали строгую ревизію моихъ вещей, а въ особенности меня самого. Во время составленія протокола мнѣ пришлось скрыть свой санъ въ силу крайней необходимости; но польскимъ властямъ моя личность показалась подозрительною, а потому я былъ отправленъ подъ арестъ подъ усиленной охраной. Жена моя была отпущена на свободу, и ей пришлось цѣлый день искать людей мнѣ знакомыхъ, которые помѣстили бы ее гдѣ-нибудь дожидаться

моего освобожденія. Къ счастью, въ это время во Львовѣ жили мои братья, съ которыми жена четверо сутокъ безпрестанно искала меня по всѣмъ тюрьмамъ, но польскія власти отвѣчали: „Такого даже и не знаемъ“. И съ большимъ трудомъ только на четвертый день моего заключенія удалось извѣстному патриоту и ревнителю православія Семену Юрьевичу Бендасюку узнать мое мѣсто-пребываніе. Тогда меня освободили, написавъ свідѣтельство о моей невинности. Заключеніе для меня было нелегкое, ибо я лишенъ былъ всякой пищи. Выйдя же изъ тюрьмы, я не чувствовалъ свободы, потому что былъ убитъ духовно своими людьми, которые по случаю выборовъ въ австрійскій парламентъ абсолютно запретили мнѣ заявлять свою фамилію въ полиціи, такъ какъ всѣ власти уже давно знаютъ, что я православный священникъ и своимъ пребываніемъ въ Галиціи я могу испортить все дѣло выборовъ. Итакъ я былъ поставленъ въ безвыходное положеніе, такъ какъ по невозможности прописываться въ полиціи я съ женой укрывался гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, переходя съ квартиры на квартиру, потому что хозяева требуютъ записи въ полиціи. Вслѣдствіе этого неудобства къ начинанію тяжелаго поприща я все больше истощался духовно, а также и физически, находясь нерѣдко въ сырыхъ и душныхъ подвалахъ.

Однако чрезъ нѣкоторое время враги узнали, что я прибылъ изъ Россіи; сыщики стали тщательно слѣдить за мной, измѣряя каждый шагъ мой, а потому я вынужденъ былъ бѣжать къ родственникамъ, гдѣ двѣ недѣли проводилъ ночи, а днемъ уходилъ вмѣстѣ съ женою въ пустынный мѣста и такимъ образомъ прожилъ полтора мѣсяца въ Львовѣ и тайкомъ пробирался въ села. По истеченіи этого времени власти узнали, т. е. выслѣдили мои разъѣзды; потому я принужденъ былъ прописаться въ полиціи, а чрезъ два дня былъ арестованъ и просидѣлъ 10 дней въ тюрьмѣ будто-бы за уклоненіе отъ воинской повинности. По освобожденіи, мы сейчасъ-же уѣхали въ село Теляжъ, на время помѣстившись у одного изъ крестьянъ, пока не купили дома, а черезъ три дня ужъ перешли въ собственный домъ (крестьянскую хату), заброшенный и обветшалый, въ которомъ переживали крайнія неудобства и лишенія за неимѣніемъ необходимыхъ вещей, и долгое время единственной обстановкой служили для насъ дубовыя скамьи и земляной полъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ пришлось украдкой кое-какъ ремонтировать свою хату, но шпионскій глазъ выслѣдилъ это и донесъ польскимъ властямъ, которыя запретили поправку, выгнавъ рабочихъ и думая тѣмъ запугать и выжить меня изъ села.

За неимѣніемъ дома для богослуженія, я вынужденъ былъ просить у польскаго начальства разрѣшенія на постройку часовни, но вмѣсто того получилъ въ наказаніе двухдневный арестъ. По-

томъ противъ воли поляковъ строили часовню, и, наконецъ, Богъ намъ помогъ съ большими препятствіями окончить убогую маленькую часовеньку, а крестьяне, строившіе ее, были наказаны денежными штрафами и арестомъ. Долго, неусыпно и съ нетерпѣніемъ ждали мы того торжественнаго момента, когда должно было впервые огласить ее праздничнымъ богослужебнымъ пѣніемъ. Назначенъ былъ для этого день Рождества Христова. Въ ночь съ субботы на воскресенье должны были совершиться въ ней всѣ богослуженія по православному обряду, при участіи всѣхъ жителей села Теляжа и всѣхъ перешедшихъ въ православіе изъ окрестныхъ селъ: Ильковичъ, Скоморохъ, Ульвивка, Конотопъ, Опильско и другихъ, хотя-бы и пришлось за это перестрадать больше того, что перестрадали. Узналъ объ этомъ заранѣе „громадскій начальникъ“ (сельскій староста), донесъ уѣздному начальству и обдумывалъ планъ нападенія на молящихся. Уѣздный начальникъ принялъ всѣ „мѣры“. Ему вѣдь было поручено чрезъ посредниковъ — жандармовъ и полицейскихъ агентовъ, штрафами и т. п. „мѣрами“ „обращать схизматиковъ“ въ католичество. Въ субботу (канунъ Рождества) къ вечеру прибыло въ село семь жандармовъ и комиссаръ уѣзднаго начальства. Съ вечера же жандармы окружили часовню и стали не допускать въ нее народъ, уговаривая на всевозможные лады.

Въ 11 час. ночи комиссаръ явился ко мнѣ и запретилъ совершать богослуженіе подѣ страхомъ ареста. Но, несмотря на угрозы, народъ сталъ къ полуночи подходить массою къ моей хатѣ. Кто входилъ въ хату, того силой выбрасывали жандармы и вели къ громадскому начальнику для опознанія и составленія протокола и для наказанія потомъ по суду или административнымъ порядкомъ. Крестьянинъ Щерба былъ съ вечера у меня и присутствовалъ при появленіи комиссара; возвращаясь въ полночь домой, онъ былъ задержанъ выскочившимъ откуда то жандармомъ, который, вскрикнувъ во все горло: „*stoi złodziejul co ty boposach chodzisz po chatach?*“ ударилъ его въ лѣвое ухо такъ сильно, что крестьянинъ былъ ошеломленъ и зашатался. Окровавленнаго крестьянина жандармъ потащилъ къ громадскому начальнику, который подтвердилъ, что это дѣйствительно близкій сосѣдъ мой, а потому комиссаръ избитаго отпустилъ, приказавъ жандарму отвести его домой!

Къ 3 часамъ ночи жители села Теляжа и окрестныхъ селъ массою окружили часовню и мою хату и ждали богослуженія. И вотъ я со всѣми собравшимися иду въ часовню; часть помѣстилась въ ней, часть же стоитъ кругомъ нея на дворѣ. Начинаю богослуженіе. Покотъ дьячки села Теляжа, Скоморохъ и Ильковичъ, числомъ 15 человекъ (мною подготовлены раньше), раздалось громовое „Съ нами Богъ“, да еще съ народнымъ

припѣвсмъ. По командѣ комиссара въ тотъ же моментъ наперла всею силою шеренга жандармовъ на народъ, чтобы оттолкнуть и отодвинуть его отъ часовни. Но народъ стоялъ плотною массою и крѣпко выдерживалъ напоръ. Тогда жандармы воспользовались силою штыковъ, которыми и стали отѣснять крестьянъ. Большинству крестьянъ прокололи кожу и сѣраки, но когда и это не помогало, хватили прямо за руки, за шею и силой оттаскивали далеко отъ часовни, потомъ устранили изъ часовни молящихся и пѣвчихъ.

Троекратно приказывалъ комиссаръ мнѣ прекратить богослуженіе, но я продолжалъ его, не обращая вниманія; не далъ себя вывести и одинъ крестьянинъ, случайно только оставшійся въ часовнѣ (спрятался за престолъ, когда комиссаръ удалялъ молящихся). Дверь часовни была затѣмъ наглухо закрыта и часовня оцѣплена жандармами. Народъ, отодвинутый отъ нея на нѣкоторое разстояніе, то приближался, то подѣ напоромъ штыковъ опять отдалялся. Комиссаръ и жандармы всѣми силами старались держать его въ такомъ отдаленіи, чтобы, онъ не слышалъ происходящаго въ часовнѣ богослуженія, но это не удавалось. Около 700 человекъ стояли стѣной до окончанія всего богослуженія упорно на морозѣ и снѣгу.

Комиссаръ все уговаривалъ стоявшихъ идти въ униатскую церковь. Толпа стоявшихъ къ утру не уменьшилась, а замѣтно росла. Замѣтивъ это, комиссаръ и жандармы стали заблаговременно напираться на нее не только со стороны часовни, но и съ огорода одной крестьянки, гдѣ особенно сильно столпилось крестьянство. Между хозяйкой и жандармами вышла сильная распря, такъ какъ первая, ссылаясь на право собственности, защищалась предѣ ея нарушеніемъ жандармами. Цѣлыхъ 4½ часа стоялъ такъ народъ, слушавшій издали доходящее до него богослуженіе, а жандармы съ комиссаромъ во главѣ отпирали его отъ часовни. Жену мою, которая шла за толпою, конвой жандармовъ сопровождалъ до двери часовни и, впустивъ въ нее, опять закрылъ, чтобы никто больше въ нее не проникъ.

Наконецъ, окончивъ богослуженіе, я вышелъ съ присутствовавшими на немъ изъ часовни, закрылъ ее и отправился къ своей хатѣ. Комиссаръ смотрѣлъ, чтобы я не забралъ церковной утвари съ собою. Народъ заплакалъ навзрыдъ и пошелъ за мною. Вооруженная сила считала свою задачу конченною и отправилась въ село. Я произнесъ къ собравшимся краткую пророческую проповѣдь, тутъ же причастилъ запасными св. Дарами больную женщину, которую не допустили во время богослуженія жандармы къ часовнѣ. Послѣ этого народъ изъ окрестныхъ селъ разошелся. Въ 12 час. дня явился ко мнѣ комиссаръ съ 8 жандармами и заявилъ: „Запрещаю вамъ вообще совершать богослуженіе и опечатаваю часовню“ (она до сихъ

поръ запечатана). Послѣ совершеннаго опечатанія поставили у часовни сторожей, чтобы караулили денно и ночью, дабы никто къ ней не приближался. Молодежь однако окружила мою хату и пѣла весь день религіозныя и патріотическія пѣсни. Жандармы вели съ ней точь въ точь такую же борьбу, какъ ночью съ толпой крестьянъ у часовни. Возлѣ часовни и моей хаты стоитъ днемъ и ночью изъ 8 человекъ постоянная стража, не допускающая въ мой домъ ни одного крестьянина.

Продолжаются непрерывные аресты, штрафования и допросы крестьянъ, нарушающихъ произвольный запретъ. За все, что происходило на Рождество Христово (въ ночь съ субботы на воскресенье и въ воскресенье), наказаны 125 человекъ. Полтора мѣсяца караулили часовню 8 человекъ, не исключая женщинъ. Такъ на долю Маріи Гладынюкъ выпало время караула въ ужасные морозы съ конца января мѣсяца. Стоять ей пришлось при 24 градусахъ мороза отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера въ плохенькомъ кожухѣ. Стоя на караулѣ, она простудилась и отморозила ноги, въ результатѣ чего послѣдовала скоротечная чахотка. Вотъ еще двѣ крестьянки, пострадавшія отъ „варты“: Марѳа Боруцкая и Марія Харчукъ. Обѣ отморозили ноги. Сколько однако отморожено рукъ, пальцевъ и ушей, это и не входитъ въ счетъ. Впрочемъ, и 70-лѣтней старушкѣ Оленѣ Чернѣй пришлось стоять на „вартѣ“, но старушка какъ то выдержала эту пытку. Она и считаетъ это заслугой и дѣломъ, такъ сказать, Божіимъ. Но немало и мужчинъ, вмѣстѣ со мной испытанныхъ на себѣ самихъ жестокость „православной судьбы“. Многие были изъ нихъ арестованы, какъ Стефанъ Пѣнка, Иванъ Дзядыкъ, Ѳеодоръ Дмуховскій, Демянъ Чернѣй. Крестьянинъ Средашко наказанъ „краевымъ судомъ“ шестинедѣльнымъ арестомъ за то, что посмѣлъ защищать „православную вѣру“. Въ селѣ Теляжѣ и въ сосѣднихъ селахъ водворилось фактически такъ называемое осадное положеніе: нельзя появляться на улицахъ; нельзя посѣщать знакомыхъ; нельзя и собираться, и являться на собраніяхъ. Конституціонныя постановленія о личной и домашней свободѣ, о свободѣ собраній и т. п. не ставятся въ настоящее время въ Сокальскомъ уѣздѣ ни въ грошъ. За совершеніе богослуженія въ день Рождества Христова я былъ наказанъ пятидневнымъ арестомъ, а наканунѣ Іорданскаго праздника конвой жандармовъ препроводилъ меня въ тюрьму, дабы лишить моихъ вѣрныхъ святой воды. Велика преданность Галицкаго народа: во время моего заключенія, крестьянство цѣлыми толпами ходило вокругъ тюрьмы, чтобы посмотрѣть на своего пастыря, но здѣсь жандармерія силой разогнала ихъ. Не смотря на это, около 300 че-

ловѣкъ пришло встрѣчать меня въ день тюремнаго освобожденія, всѣ попытки жандармовъ разогнать эту массу были безуспѣшны, и уступая настойчивости ихъ, они отошли. Вслѣдствіе запечатанья часовни, я исполнялъ необходимыя требованія въ своемъ домѣ, пока о томъ не выслѣдили жандармы. Когда же они узнали о происходившемъ, то начали не допускать ко мнѣ ни одного человекъ, подавая на нихъ въ судъ, гдѣ привлеченные къ суду карались арестомъ или штрафами, а кого жандармы заставляли въ моей хатѣ, тѣхъ по просту выбрасывали, карая ихъ потомъ штрафами въ 20 кронъ.

Народъ однако держится крѣпко и стойко выдерживаетъ всѣ преслѣдованія, защищая свое элементарнѣйшее право, право молиться Богу такъ, какъ это диктуетъ ему его совѣсть.

Узнавши заранѣе, что святить пасху не дадутъ мнѣ въ день Свѣтлаго Праздника, я вынужденъ былъ святить пасху крестьянамъ въ ночь подъ Вербное Воскресеніе. Запуганные жандармами крестьяне все таки съ торжествомъ ожидали момента освященія пасхи не смотря на то, что оно происходило въ тайномъ уголкѣ при абсолютной тишинѣ, дабы ни малѣйшаго звука не донеслось до уха ненавидящихъ насъ.

Послѣ этого, въ понедѣльникъ 19 марта пришли жандармы арестовать меня, какъ шпіона, но я заранѣе выѣхалъ изъ села.

Вотъ какъ тяжело дается галичанамъ ихъ святое желаніе возвратиться къ единой истинной вѣрѣ предковъ своихъ, къ чему неусыпно стремится душа ихъ. („Кіевлян.“).

Свящ. Іоаннъ Григорьевичъ Илечко.

Печатать разрѣшается: За цензора

Као. Протоіерей Константинъ Левитскій.

Редакторъ неофициальной части

Архимандритъ Митрофанъ.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА.

- I. Часть официальная. II. Часть неофициальная:
 1) Русская правда. 2) Какое значеніе въ дѣлѣ папства можетъ имѣть знакомство священника съ произведеніями писателей беллетристовъ? 3) По епархіи. 4) Изъ жизни другихъ епархій. 5) Свѣтская печать о духовенствѣ. 6) Извѣстія и замѣтки.

При семъ № прилагается „Проповѣдничскій Листокъ“ № 38-й.